

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ШЕВЧЕНКО

ВЪ ОТЗЫВАХЪ О НЕМЪ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ.

Составилъ и издалъ

А. Т—ЫЙ.

ОДЕССА.

Типографія «Новор. Телеграфа», Сабанскій переул., д. № 2.

1879.

33785

5
33/85

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Предисловіе.
2. Галичанинъ В. Барвинскій о Шевченкѣ.
3. «Тарасъ Шевченко», статья чеха Vac. Dunder'a въ чешскомъ журналѣ «Osveta» 1872.
4. Французъ Emile Durand о Т. Г. Шевченкѣ, («Revue des deux Mondes» 1876 г.).
5. Нѣмецъ Frantzos о Т. Г. Шевченкѣ, («Vom Don zur Donau». Cultur-Bilder aus Halb-Asien. 1878 г.).

Дозволено цензурою. — Одесса, 21 февраля, 1879 г.

3714
522

ПРЕДИСЛОВІЕ.

26-го февраля 1879 г. исполнится 18 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго южно-русскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко, съ глубокимъ смысломъ называемаго обыкновенно «батькомъ». Не смотря на общее признаніе за нимъ важнаго значенія въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія, до сихъ поръ русская печать не представила ни одного сколько нибудь обстоятельнаго труда о его произведеніяхъ. Послѣ статей, написанныхъ вскорѣ послѣ смерти Шевченка, встрѣчались въ печати лишь небольшія замѣтки о немъ, какъ матеріалъ для біографіи; вышедшее въ 1867 г. наиболѣе полное въ Россіи Кожанчиковское изданіе «Кобзаря» не вызвало не только подробныхъ реценцій, но даже краткихъ статей о немъ; только въ 1874 г. въ газетѣ «Недѣля» явилась о Шевченкѣ статья проф. О. Миллера, какъ добавленіе къ его публичнымъ лекціямъ о новой русской литературѣ. Но это отсутствіе статей о Шевченкѣ въ русской печати не доказываетъ, конечно, отсутствія въ русскомъ обществѣ тѣхъ симпатій къ народному поэту, которыми онъ пользовался въ послѣдніе годы своей жизни, того уваженія, которое высказалось и въ печати тотчасъ по его смерти; не доказываетъ это и отсутствія въ обществѣ интереса къ произведеніямъ поэта: изданія «Кобзаря», какія были въ Россіи (послѣднее Кожанчикова 1867 г.), давно уже разошлись въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; разошлись и два изданія Гербеля «Кобзаря въ переводѣ русскихъ поэтовъ»; появились и новые переводы. За границей вышло уже два полныхъ изданія: одно въ 1867 г. во Львовѣ, а другое въ 1876 г. въ Прагѣ, прекрасное по внѣшности и систематическое, въ двухъ томахъ, изъ которыхъ только первый допущенъ къ продажѣ въ Россіи и уже, кажется весь, разошелся.

За послѣдніе годы, съ произведеніями Шевченка ознакомились не только всѣ славянскіе, но и другіе европейскіе народы: въ иностранной литературѣ существуютъ и переводы Шевченка, и статьи о немъ.

Я думаю, что для русскаго общества представляют известный интерес отзывы иностранной печати о нашем народномъ поэтѣ, — вотъ почему я рѣшаюсь издать предлагаемыя здѣсь четыре статьи, изъ которыхъ двѣ написаны славянами и двѣ—французомъ и нѣмцемъ. Такая статья, какъ чеха Dunder'a, представляя довольно обстоятельное изложеніе содержанія главнѣйшихъ произведеній Шевченка, можетъ быть весьма полезнаю для людей, не читавшихъ «Кобзаря» и не имѣющихъ возможности познакомиться съ нимъ въ подлинникѣ.

При этомъ позволяю себѣ привести здѣсь значительную выписку изъ прекрасной статьи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ «К. Телеграфъ» за 1875 г.,—«Славянское и русское значеніе Шевченка».

Не смотря на то, что до сихъ поръ нѣтъ полного изданія сочиненій Шевченка, нѣтъ сколько нибудь обстоятельной біографіи его, ни даже полной критической статьи о немъ, — уваженіе общества къ Шевченку на Руси, на югѣ, какъ и на сѣверѣ, обезпечено, и слава его, какъ народнаго поэта (одинъ изъ историческихъ русскихъ людей новаго времени сказалъ даже, что Шевченко «едва ли не единственный народный поэтъ»), растетъ съ каждымъ днемъ.

Въ послѣдніе годы съ Шевченкомъ стала знакомиться и западно-европейская публика. Такъ, въ 1870 г. вышла въ Черновцахъ, въ Буковинѣ, книжка г. Обриста «T. G. Schewczenko, ein kleinrussischer Dichter», въ которой кромѣ біографіи находимъ и переводъ нѣсколькихъ піесъ Шевченка на нѣмецкій языкъ; удачнѣе другихъ переведено «Ой чого ты почорніло зеленее поле»? Книжка эта служила основаніемъ для сочувственнаго отзыва объ украинскомъ поэтѣ въ новѣйшемъ (1872 г.) изданіи «Исторіи всеобщей литературы» Шерра. Въ 1872 г. короткая характеристика Шевченка была помѣщена въ итальянской брошюрѣ «Il movimento litterario ruteno in Russia e Gallizia», разбирая которую французскій журналъ «Revue critique» выразилъ мысль, что Шевченко заслуживалъ бы цѣлаго тома для европейской публики.

Но, само собою разумѣется, больше всего успѣло познакомиться съ Шевченкомъ славянство. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить характеристику Шевченка въ «Исторіи славянскихъ литературъ» А. Пыпина, единственной книгѣ въ

своемъ родѣ (*). На сербскій языкъ нѣсколько піесъ Шевченка было переведено Джорджіевичемъ и другими, напечатано отдѣльно и въ журналѣ Стояна Новаковича «Вила». На болгарскій языкъ переведено нѣсколько піесъ, если не ошибаемся, «Наймичка» и «Гамалія». На чешскомъ языкѣ напечатана въ 9 и 10 №№ ежемѣсячнаго журнала «Osveta» 1874 г. очень обстоятельная статья Taras Sevcenko, съ отрывками въ подлинникѣ, съ объясненіями непонятныхъ словъ внизу, — т. е. такъ, какъ Костомаровъ совѣтовалъ, вмѣсто перевода, издать Шевченка для великоруссовъ. Лужицко-сербскій патріотъ Смоляръ разсказывалъ, что разъ въ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто то предложилъ, чтобы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчій то, что ему всего болѣе по сердцу. И вотъ одинъ, вмѣсто того, чтобъ читать на родномъ языкѣ, проситъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка...

Больше всѣхъ изъ западныхъ славянъ естественно должны были ознакомиться съ Шевченкомъ поляки. Еще въ 1861 г. Леонардъ Савинскій издалъ въ Вильно этюдъ «Taras Szewczenko» съ переводомъ «Гайдамакъ» и съ рѣзкой критикой «негуманности» украинскаго поэта. Рѣзкой враждебностью къ Шевченку отличается и статья въ Biblioteka Warszawska 1862, № 2. Въ 1862 же году вышелъ въ Вильнѣ переводъ «Кобзаря», сдѣланный Сырокомлей, но безъ «Гайдамаковъ» и «Тарасовой ночи». Безъ «Гайдамаковъ» же, хотя и съ полемикой противъ г. Савинскаго, выдалъ свой переводъ и г. Горжалчинскій въ Кіевѣ (1862 г.). Намъ неизвѣстно содержаніе статей о Шевченкѣ въ Dzienniku literackiem, но въ виду враждебности, съ какою встрѣтила произведенія Шевченка польская печать въ 1862—64 гг., заслуживаетъ особеннаго вниманія брошюра барона Гвидо Баталы «Taras Szewczenko, życie i pisma jego» (Lwow 1865). Это довольно обстоятельный обзоръ жизни и сочиненій украинскаго поэта и кромѣ того честная, — хотя, конечно, не безъ нѣкоторыхъ специально галицко-польскихъ особенностей,—апологія его противъ нападокъ своихъ земляковъ. Авторъ совѣтуетъ этимъ послѣднимъ читать Шевченка, по возможности, въ подлинникѣ и всего. «Узнать Шевченка, говоритъ онъ, дѣло не малой важности... Это—ея представитель,—и сколько есть развитыхъ,

*) Книга эта вышла недавно 2-мъ «вновь переработаннымъ и дополненнымъ» изданіемъ, при чемъ значительно расширена глава о малорусской литературѣ.

интеллигентныхъ русиновъ—каждый изъ нихъ чтитъ въ Шевченкѣ отца новой идеи, внесенной имъ въ издавна мертвое тѣло» (Галичину).

Каковы въ самомъ дѣлѣ основныя идеи Шевченка, какъ представителя *молодой Руси*, если употребить галицкій терминъ? Въ Галичинѣ и русскіе, и поляки часто понимаютъ украинскаго поэта только какъ представителя известнаго рода *націоналізма* и притомъ *традиціоннаго*. И въ Россіи многіе смотрѣли и смотрятъ на него такъ-же, считая его пѣвцомъ *воинственной козачины* и *отжившей гетьманской Украины*. Но думать такъ значитъ не только принимать форму за сущность, но и не различать разныхъ періодовъ развитія поэта, который никогда не стоялъ на одномъ мѣстѣ. Исторія развитія самого Шевченка, еслибъ она была составлена какъ слѣдуетъ, всего-бы лучше разъяснила его идеи. Но исторіи этой нѣтъ; не изданы и матерьялы для нея. Во всякомъ случаѣ и теперь бѣглый, но внимательный обзоръ однихъ напечатанныхъ въ Россіи произведеній Шевченка даетъ возможность уразумѣть *основное* въ его стремленіяхъ и идеяхъ, и то мѣсто, какое занимаетъ въ нихъ опоэтизированіе казацкаго и гетьманскаго періода Украины.

Первыя произведенія Шевченка (1838—39 г.)—«Причина», «Утоплена», «Тополя»,—какъ извѣстно, показываютъ сочувствіе ко всякому горю и страданію, высказанное въ формѣ баллады, въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго; но скоро онъ начинаетъ останавливаться на томъ горѣ, которое связано съ социальными привилегіями и гнетомъ класса надъ классомъ («Катерина»). Поэтъ долженъ былъ обратиться къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все таки видно было стремленіе устроить *равную правду для всѣхъ*, видна была горячая борьба за эту правду, или хоть мѣсть за нарушеніе ея («Иванъ Підкова», «Тарасова нічъ», «Гамалія», «Гайдамаки», 1840—43 гг.). Но и въ это время, рисуя кровавыя картины прошлаго, поэтъ все-таки не терялъ гуманнаго чувства и съ особенною любовью воспѣвалъ подвигъ всепрощающей самоотверженной материнской любви («Наймичка», какъ-бы продолженіе «Катерины») и не находилъ настоящей правды въ кровавой мести гайдамаковъ (см. монологи Гонты послѣ убіенія дѣтей).

И о самомъ симпатичномъ въ этомъ прошломъ поэтъ говорилъ: «було колысь,—та що з того? не вернется». Задумавшись глубже

надъ настоящимъ и прошлымъ своей родины, надъ тѣмъ, кто виноватъ въ пролитой крови и текущихъ слезахъ, поэтъ нашелъ виноватыхъ между чужими и своими. «Виноваты ксендзы, іезуиты, которые именемъ Христовымъ зажгли нашъ рай», рѣшилъ онъ (изд. Кожанч. стр. 367). А дальше? Дальше и вы, проклятіи гетьмани, усобики, ляхи потани, недоуми, занастили божий рай!... Безъ ножа и аутодафе людей закували, та й мурдуютъ» (стр. 408—410). Поэтъ перешелъ въ новую фазу своего развитія. Одною своей стороною онъ приближался къ идеямъ тогдашнихъ передовыхъ столичныхъ западниковъ (Бѣлинскаго и его друзей),—обличая, часто смѣля ихъ, недостатки общерусской дореформенной системы. А южнорусское происхожденіе и обязательная необходимость думать и о польскомъ вопросѣ заставила украинскаго поэта подойти и къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ. Уже въ «Гайдамакахъ» онъ плакалъ, что «старыхъ славянъ діти выплыли кровью!» А въ посланіи къ Шафаріку онъ поднялся на высоту гуманнаго панславизма, выбравши предметомъ своей пѣсни изъ славянской исторіи не какихъ-либо воителей, а—«славнаго мученика Ивана Гуса», а изъ современныхъ дѣятелей—ученаго! Обращаясь съ поученіемъ къ своимъ землякамъ, Шевченко звалъ ихъ не назадъ, а впередъ: «роскуйтеся, братайтесь!.. обнимите наименьшого брата, учітеся своему и чужому»,—вотъ что онъ внушалъ имъ («Посланіе до живыхъ и мертвыхъ и ненарожденныхъ земляків моїхъ»). Главнымъ образомъ надѣялся поэтъ на «слово разума святого», которое поставлено на стражѣ около людей.... (стр. 601, 602, 625). Но въ это время поэта застигла несчастная доля. Когда онъ возвратился въ среду цивилизованныхъ людей, тогда всеобщее уваженіе лучшей части русскаго общества еще менѣе могло дать ему возможности обратиться къ исключительнымъ традиціямъ; предстоящее освобожденіе крѣстьянъ поддерживало надежды на будущее,—и самый живой интересъ, которымъ жилъ Шевченко въ послѣдніе дни своей надломленной жизни, было *народное образованіе*; послѣдняя изданная имъ книжка — былъ украинскій *букварь*.

Такое поученіе молодой Руси, украинскимъ народолюбцамъ, даетъ исторія развитія ихъ поэта Шевченка. Какъ понимаютъ значеніе Шевченка пережившіе его друзья и наставники младшихъ поколѣній, видно изъ слѣдующихъ словъ

Н. И. Костомарова: «Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокій полетъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго только, а вообще русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ искони существовавшихъ нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытывавшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій и потому то болѣе способномъ для того, чтобы дать Россіи истинно народнаго поэта... Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Ни великоруссы безъ малоруссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ, не могутъ совершать своего развитія; одна народность дополняетъ другую, и чѣмъ стройнѣе, уравнительнѣе, взаимодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою непріязнью къ великорусской народности, ни донъ-кихотскими мечтами о мѣстной политической независимости. Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что, будучи достояніемъ малорусскаго элемента, имѣло въ тоже время и общерусское значеніе. Оттого-то поэзія Шевченка понятна и родственна великоруссамъ. Для того, чтобы сочувствовать ему и уразумѣть его достоинства, не нужно быть исключительно малоруссомъ. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія» («Воспоминаніе о двухъ малярахъ», Основа 1861 г. апрѣль).

Что же дало возможность этому крестьянину-сиротѣ, не прошедшему правильной школы, при самой жалкой жизненной обстановкѣ, стать на высокую ступень народнаго малорусскаго и даже общерусскаго поэта, подняться на высоту общеславянскихъ просвѣтительныхъ и народныхъ интересовъ, и возбуждать интересъ общечеловѣческій? Что давало направленіе и поддержку его таланту? Ничто другое, какъ его кровная связь съ украинскимъ народомъ, его органическая потребность говорить своимъ живымъ украинскимъ словомъ и черпать свое вдохновеніе изъ тѣхъ народныхъ родниковъ, которые заключаютъ въ себѣ не мало живой воды и на будущее время».

Галичанинъ Влад. Барвинскій о Т. Г. Шевченкѣ.

Галичане во Львовѣ ежегодно устраиваютъ въ день смерти нашего украинскаго поэта Т. Г. Шевченка так. наз. «роковыны» или поминки. Въ большой залѣ ратуши назначается литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ, кромѣ исполненія музыкальныхъ піесъ, принадлежащихъ малорусскимъ артистамъ, кромѣ декламаций, обыкновенно читается кѣмъ либо изъ учителей гимназій, или професоровъ университета, рефератъ о Шевченкѣ. Такой рефератъ, озаглавленный «Поэзія Шевченка и наша народная жизнь», былъ прочитанъ на XVII роковинахъ Влад. Барвинскимъ и затѣмъ напечатанъ въ Галицкомъ учено-литературномъ журналѣ. Барвинскій, главнымъ образомъ, остановился на общественномъ значеніи поэзіи Шевченка, на его роли пробудителя народнаго самосознанія въ украинскомъ обществѣ.

Прежде всего г. Барвинскій обращаетъ вниманіе на тотъ удивительный и крайне печальный контрастъ, какой представляетъ судьба Шевченка сравнительно съ судьбой такого-же значенія поэтовъ и общественныхъ дѣятелей у другихъ народовъ. «Короли и князья, говоритъ онъ, при дворахъ своихъ, съ почетомъ принимаютъ поэтовъ своего народа; величественныя памятники, воздвигнутыя усиліемъ всего народа, украшаютъ могилы народныхъ дѣятелей; цѣлые пантеоны воздвигаются въ знакъ народнаго почтенія героямъ слова и науки,—только Тарасъ Шевченко, великій и единственный нашъ поэтъ, какъ выступилъ крѣпостнымъ бѣднякомъ-сиротой на тернистый путь своей многострадальной жизни, такъ и умираетъ только что выпущеннымъ изъ неволи простымъ солдатомъ, и похороненъ среди степи, въ дикомъ и глухомъ уголкѣ Приднѣпровья, не поминаемый тѣми, для которыхъ жизнь свою посвятилъ, живой лишь въ немногихъ живыхъ душахъ».

Гдѣ-же та великая новая семья новаго народа, среди которой можно-бы помянуть нашего «батька», гдѣ тотъ новый міръ, который-бы поклонился его великому святому слову правды и воли?

Надъ землею летать лита,
Днипро высыхаетъ,
Розсыпаются могилы,
Высоки могилы—
И святая твоя слава
Якъ пылына лыне,
За витрамы холодными
Въ хмари пропадаетъ...

Вотъ судьба нашего народнаго пѣвца! Но, видно, такъ этому и должно быть.... Потому что, если гений народный, наиболѣе чувствующій изъ всего народа, говоря словами же поэта, «одынѣ міжъ ними, якъ сонце високе, думкою ажъ на край свѣта на хмарі гуля, орломъ сызкрылымъ літає—ширєе, ажъ небо блакитне широкимъ бєе, зъ Богомъ розмовляє», донскивается словъ правды и воли и эти «божїі слова» оповѣщаетъ міру, внося въ него новую жизнь, жизнь правды и воли, — то ему не такъ то скоро добиться вниманія отъ мертвыхъ и полуживыхъ, не такъ то скоро распространить этотъ свѣтъ истины среди темноты и не такъ то скоро поклонится «всѣязыцы» этому новому свѣту. Долго еще должно меркнуть его слово подъ холоднымъ вѣяніемъ неволи, подъ тучами темноты, долго еще будутъ отступники глумиться надъ пѣснями поэта и долго не будутъ близко къ сердцу принимать его идеи въ этомъ мірѣ горя, неправды и темноты.

Муза Тараса Шевченка — это не только сладкій, чарующій лепетъ поэтической лиры, который изяществомъ слова, прекрасною, звонкою пѣсней, красотой украинской природы чаруетъ сердца людей и переноситъ ихъ въ невѣдомые края идеаловъ: только небольшая часть этого, такъ сказать, абстрактнаго, всесвѣтнаго, чистаго поэтизма выпала на долю Шевченка. Правда, Шевченко, какъ могучій лирикъ, создалъ не мало этихъ идеаловъ всесвѣтной красоты, убравъ ихъ въ украинскую одежду, тѣмъ болѣе прекрасную, что она нова и своеобразна, — и они смѣло могутъ стать на ряду съ высокохудожественными произведеніями міроваго пантеона музъ. И

Шевченко, какъ лирикъ, обнимаетъ своими пѣснями эту вѣчно милую, вѣчно-свѣжую, неисчерпаемую тему любви; и онъ воспѣваетъ ту чистую, горячую, идеальную любовь, которой высшимъ прототипомъ въ искусствѣ остаются образы Ромео и Юліи Шекспира, ту любовь, которая изъ двухъ сердецъ создаетъ навѣки связанные два міра очаровательной красоты, прекраснѣйшей гармоніи, счастливѣйшей жизни, двѣ души, всеми думами и желаніями, всею существомъ и жизнію слившіеся на вѣки. Какъ лирикъ Руси-Украины, Шевченко далеко превзошелъ всѣхъ поэтовъ такъ называемой украинской школы въ польской литературѣ, превзошелъ въ этомъ отношеніи и англійскаго пѣвца «Мазепы», и сѣвернаго пѣвца «Полтавы». И гдѣ есть такое дѣвичье сердце, что не отозвалось-бы на голосъ этой широко украинской лирики, которая наполняетъ весь міръ любовью, всю природу—жизнью, изъ каждого цвѣтка и съясной зори, изъ буйнаго вѣтра и шумнаго моря вызываетъ чарующіе звуки любовныхъ рѣчей? Гдѣ тѣ дѣвичьи очи, которые не залились-бы горячими слезами отъ этого скорбнаго гимна молябы въ «Тополю», не заплакали-бы надъ недолею «Черныцы Марьяны», которая изъ за беззавѣтной любви къ бѣдному спротѣ отрекается отъ богатства, роскоши, отъ родной матери, отъ всего свѣта и въ монашествѣ заключаетъ свое измученное сердце? А эта неугасаемая любовь Ярины, которая, какъ Альдона, вѣрна своему Степану, тоскуетъ по немъ и въ глухомъ хуторѣ казачьемъ и даже послѣ многихъ лѣтъ оживаетъ прежнимъ огнемъ горячей любви, не смотря на то, что «лыцарь-козаченько» возвращается изъ казацкихъ своихъ походовъ невольникомъ-бѣглецомъ, слѣпымъ кобзаремъ! А образъ Яремы, который чарующей силой любви обращается изъ жидовскаго «попыхача» въ казака-гайдамаку, въ кроваваго метителя за обиженную милую и появляется съ «священнымъ» въ рукахъ на кровавомъ банкетѣ, чтобы покрыть свою Оксану славою и добыть ей долю своей гетьманши! Какими привлекательными, прекрасными предстаютъ передъ нами эти и другіе образы великой искренней любви въ пѣсняхъ Кобзаря, какою правдою и красотой укрѣпляютъ они каждую искреннюю и чистую душу, какимъ идеаломъ освѣщаютъ любящее сердце!

Кажется, что вся сила, вся красота, все очарованіе украинскихъ пѣсенъ любовныхъ, богатой и поэтической природы

украинской вновь зазвучали сильнымъ голосомъ въ пѣсняхъ Кобзаря.

Но, еслибъ Шевченко былъ *только* могучимъ лирикомъ, который возбуждаетъ человѣческую душу силою любовнаго чувства, еслибъ Шевченко былъ *только* эпикомъ, который богатствомъ яркихъ красокъ украинскаго міра рисуетъ намъ прошлое Руси-Украины, оживотворяетъ давнихъ героевъ, наше историческое прошлое, — онъ былъ бы великимъ поэтомъ, но — только поэтомъ.

Тарасъ Шевченко — это кровный сынъ Руси-Украины, которая взлелѣяла его своими нѣжными, задушевными пѣснями, выхолила его красотой своей богатой природы, широкихъ синихъ степей, темныхъ байраковъ, шумнаго Днѣпра-славutiцы просторнаго голубаго неба, усьяннаго ясными зорями, да мѣсяцемъ-княземъ, такъ задумчивыми и такъ понятными украинскому сердцу свѣтилами «божественной» ночи; это родной сынъ той Руси-Украины, которая раскрыла ему все свои тайны, все думы, скорби и желанія, пережитое счастье и горе и настоящую долю, всю свою душу, свое я отъ перваго начала до своего проблеска и упадка, передала ему всю силу и красоту своей рѣчи и выслала его передъ свѣтомъ *не только поэтомъ*, но и вѣстникомъ своихъ обидъ, проповѣдникомъ своихъ правъ на жизнь, творцемъ новой народной жизни Руси-Украины.

И прислушайтесь внимательно къ пѣснямъ-думамъ нашего Кобзаря, примотритесь ближе къ тѣмъ образамъ, которые выводитъ онъ передъ міромъ, и вы увидите, что это не плоды лишь живой и буйной фантазіи, не абстрактные идеалы, установленные въ украинскіе шаты, а это выступаетъ передъ вами цѣлкомъ живая и мертвая Русь-Украина Шевченковаго времени, — та Русь, что «обідрана сырою понадъ Дніпромъ плаче», Русь закрѣпощенная, обѣднѣвшая, въ сельскихъ невольничьихъ хатахъ, забытая обществомъ и закрытая отъ цивилизованнаго міра. А въ этихъ селахъ, въ этихъ хатахъ, въ темныхъ углахъ, гдѣ сбереглась наша народная душа, — тамъ «пекло», а не тихій рай, тамъ «матірѣ добрую неволя въ могилу зложила», тамъ «батько плачучи за дітьми на панщині умірає», тамъ братьевъ на всю жизнь сдаютъ въ солдаты, а сестры «въ наймахъ» шатаются по свѣту обезславленные.

Мало того, въ тѣхъ хатахъ, въ тѣхъ украинскихъ тихихъ селахъ, нельзя уберечься чистой душой, истинной любви, искреннему сердцу. Вотъ взгляните на эту «Наймичку»: она всю жизнь свою коротаетъ въ чужой хатѣ, прячется отъ свѣта, чтобы никто не видѣлъ ея горя, не смѣетъ признаться передъ собственнымъ ребенкомъ, что она его мать; отъ нея отреклись ея отецъ и мать, чужіе люди насмѣялись надъ нею — за то, что она любила, за то, что вѣрила въ любовь *по правдѣ* и въ этой любви погубила свою долю, свою жизнь. А несчастная, безталанная «Катерина», что отдала «москалю» свою горячую правдивую любовь, свою чистую душу, свое самое дорогое богатство, а затѣмъ осмѣянная, отвергнутая, должна была утопиться въ холодномъ прудѣ изъ за чевѣрности москаля, а ея неповинное дитя — сиротой бродить по широкой Москвитинѣ!...

Вотъ каковы эти хаты-руины, эти «пустки», гдѣ отецъ-мать плачутъ объ утратѣ единственной дочери, обманутой «паньчемъ», и доживаютъ среди голода и холода свою старость обезчещенныя сироты. Тамъ ведутъ молодаго парубка въ Сибирь на каторгу за то, что не допустилъ пана обезчестить своей милой.

А онъ — жаль и страхъ!

Въ свытыни латаній дрижала

Якась людина. На рукахъ

И на ногахъ повыступала

Одъ стужи кровь, ажъ струпомъ стала,

И довги косы въ репьяхахъ

Объ полы былысь въ ковтунахъ...

Какіе печальные, страшные, выразительные образы! Вы готовы отъ нихъ отвернуться, съ испугомъ гнать ихъ отъ себя, какъ привидѣнье. А между тѣмъ, прислушавшись къ пѣснямъ Кобзаря, слыша его правдивое слово, вы болѣете сердцемъ, въ вашихъ глазахъ являются слезы искренней скорби, душа ваша возмущается обидою тѣхъ обманутыхъ, осмѣянныхъ людей, и вы преклоняетесь передъ этими образами и вмѣстѣ съ Тарасомъ скажете: «ні, се не маря, — се люде, се наші сестры и браты, се нашъ народъ, неволею й недолею прыбитый». Заглянувши вмѣстѣ съ Тарасомъ глубоко въ ихъ сердце, вы увидите, что эти осмѣянные и отвергнутые такъ называемымъ свѣтомъ, эти бездомныя наймички, покрыт-

ки, эти безродныя сироты—это все тѣ же родныя намъ украинскія души, полныя истинной горячей любви, наивной вѣры въ правду и искренность свѣта, души великой честности, которые такимъ вѣчно идеальнымъ типомъ проявились въ «Марусі» Основьяненка.

И въ такой недолѣ погибаетъ не единица, а цѣлый народъ крѣпостной.

Ни тихой хатыночки
Въ забутому краю,
Ни тихой долиночки,
Ни темного гаю,
Ни дивчины молодои,
И малои дытины
Я не бачу щасливои,—
Все плаче, все гине!
Скризь неправда, де ни гляну.

Это и есть образъ тогдашней Руси-Украины, закрѣпощенной, исключенной изъ цивилизованнаго міра, которая устами Тараса подала свой голосъ о неправдѣ и своей недолѣ, на судъ всего свѣта представила себя и своихъ обидчиковъ. Тутъ уже не достаточно любоваться силою слова, красотою поэтическихъ образовъ, изяществомъ какъ-бы вновь открываемаго украинскаго міра,—тутъ непременно нужно: или склониться на сторону этихъ обиженныхъ, осмѣянныхъ, обманутыхъ, или же отвернуться съ холоднымъ сердцемъ отъ нихъ и, вопреки гуманности, стать на сторону обидчиковъ, вѣроломныхъ «паннечей», вельможныхъ гаремниковъ, «недолюдківъ». Тутъ нужно или быть вопетину человѣкомъ и всею сердцемъ, всею душою желать, чтобы правда одолѣла кривду, чтобы достоинство человѣка было уважено въ каждомъ, родился-ли онъ съ княжеской короной, или съ клеймомъ «безбатченка», чтобы эта прекрасная страна освободилась отъ крѣпостнаго рабства и зажила истинною жизнью на волѣ и справедливости,—или же нужно имѣть силу чертоваго эгоизма и, поставивъ собственную роскошь выше челоуѣчности, ея правъ и обязанностей, признать себя братомъ-сообщникомъ тѣхъ «владѣльцевъ», обидчиковъ сѣраго люда, и съ нероновскимъ холодомъ въ душѣ задерживать его освобожденіе.

Тарасъ Шевченко, ставши такимъ защитникомъ родной

Украины, не оставляетъ для людей иного выбора. Или въ нихъ погасъ свѣтъ правды, въ ихъ груди погасло чувство любви, ихъ душѣ сталъ чуждъ идеалъ челоуѣчности, и тогда имъ нѣтъ дѣла до несчастья цѣлыхъ милліоновъ людей, они и будутъ спокойно паковать надъ ними неправдою и обидою,—или же въ груди ихъ тлѣетъ еще искра челоуѣчности, и они не могутъ равнодушно смотрѣть на насиліе надъ челоуѣческими правами, не могутъ отвернуться холодно отъ этого обиженнаго и униженнаго народа и въ такомъ разѣ станутъ искренними друзьями своей родины.

Шевченко своимъ правдивымъ словомъ возстановилъ ту исторію, которая записана въ памяти народа, хранится въ его песняхъ.

И не умерла эта дума, не пропала пѣсня, а въ пѣснѣ, думѣ Кобзаря воскресла и добрая слава Украины, рассказала намъ «чи правда, чи кривда и чи мы диты».

Прислушайтесь къ этимъ пѣснямъ-думамъ, которые сложила тысячелѣтняя память народа, и въ нихъ вы услышите тысячелѣтнюю историческую жизнь народную, воспоминанія о временахъ княжескихъ, когда еще Кіевъ слылъ матерью городовъ русскихъ, откликъ древнѣйшей русской жизни, той исторической жизни, всею народомъ прочувствованной и понятой, въ пѣсняхъ его воспѣтой, которая такую поэтичностью и силою своего склада пробивается даже изъ подъ книжной формы «Слова о полку Игоревѣ». Приклонитесь къ этому народу и вы услышите еще и теперь грустную пѣсню про страшныя нападенія татаръ, про тѣ поля, конскими копытами взъоранныя, кровію политыя и костями засѣяныя, — какъ каждая могила, каждая развалина, каждый слѣдъ прошлаго живеть въ пѣсняхъ-думахъ этой живой исторіи народа.

А раскройте эти высокія могилы, раскройте развалины, которые обозначили дорогу нападеній азіатскихъ ордъ, и вы увидите: эти могилы туго начинены трупами прадѣдовъ, эти развалины—это остатки нашего добра, отданнаго при защитѣ европейской цивилизаціи; на тѣхъ разсыпавшихся городищахъ лилась ручьями кровь украинскаго народа, который самъ живою стѣною устоялъ на стражѣ Европы, хотя при этомъ потерялъ свое наилучшее добро, разорилъ свои богатѣйшія мѣста и всю родную страну обагривъ своею кровью.

И не смотря на все горе, какое претерпѣла Украинская Русь отъ азіатскихъ ордъ, не смотря на все страшное разореніе отъ татарскаго ига, она не покончила этимъ своей исторической жизни. Умѣла она отстоять свою землю противъ азіатскаго хищничества, умѣла она охранить и свою волю, свою честь, свою коренную, народную общественную жизнь. Не на то боролся украинскій народъ противъ азіатскихъ ордъ, чтобы устлать лишь дорогу могуществу Рѣчи-Посполитой, чтобы ради іезуитскаго доктринерства стоптана была его вѣра, чтобы «нехрещени выросли козацкіи діти, кохались невинчані», а умирали обезславленными, и цѣлое «громадське житте» украинскаго народа, этотъ всею массою понятый и развитый идеаль общественности, обратился въ ничто. А потому то, когда послѣ татарскаго бѣдствія Рѣчь - Посполитая овладѣла неусмирившимся народо-правствомъ и стала игнорировать эти главныя основанія нашего народнаго быта, — русско - украинскій народъ обратилъ свою стальную, закаленную грудь противъ этого поползновенія на его родную жизнь и единодушно всею массою поднялся на защиту своей чести, своей воли, своей жизни, — и началась та страшная братская междоусобица на земляхъ Рѣчи-Посполитой, которая вновь застѣла Украину высокими могилами, обширными развалинами и наконецъ самую Рѣчь-Посполитую свела въ могилу, соединивъ, наконецъ, Украину съ братскимъ народомъ, успѣвшимъ создать свое государство.

Государственный историкъ Рѣчи-Посполитой можетъ изъ за этой борьбы назвать украинскій народъ бунтовщиками, возмутителями, но и онъ не долженъ забывать, что самъ король Казиміръ, сознавая невозможность королевскою своею властію дать лучшую человѣческую жизнь народу, указалъ на казачью саблю, какъ на единственную охрану народной свободы и народныхъ правъ. Кобзарь нашъ съ грустью вспоминаетъ объ этой борьбѣ, объ этой тяжелой исторической судьбѣ. Онъ не забываетъ сущности этой борьбы, «за що боролись мы зъ ляхами, за що боролись зъ ордами, за що скородылы ворожили ребра». Мы не можемъ признать обидной клички разбойничковъ, и историкъ человѣческой культуры, развитія человѣческой идеи, не можетъ назвать украинскій народъ бунтовщиками и разбойниками, —

Бо... за святую правду-волю
Розбійникъ не стане:
Не роскуе закований
У тяжки кайданы
Народъ темный,
Не розибье живе серце
За свою Вкраину.

А раскройте какую нибудь картину этой страшной междоусобицы и вы вездѣ увидите ту же борьбу владычества Рѣчи-Посполитой съ идеей нашей народной жизни, съ идеей свободы и равноправности всего народа. Только борьба за такую общечеловѣческую идею могла возбудить и поднять весь народъ, только такая борьба украинскаго народа могла найти поэтическое выраженіе во множествѣ историческихъ думъ народныхъ, этомъ живомъ эпосѣ нашего прошлаго, и о такой то борьбѣ свидѣлствуютъ тѣ высокія могилы, которыя воспѣты Т. Шевченкомъ.

..... На всій України
Высоки могили; дивыся дитино,
Уси ти могили — уси оттаки:
Начинени нашимъ благороднымъ трупомъ,
Начинени туго, — оце воля спить...
Лягла вона славно, лягла вона вкуні
Зъ нами козакамы. Бачишь якъ лежить,
Неначе сповыта... Тутъ пана немає!
Уси мы однако на волі жили,
Уси мы однако за волю лягли.

Вотъ что выражаетъ Шевченко въ своихъ историческихъ піесахъ: ту идею общечеловѣчности, которая сохранилась въ народѣ и подъ простою сермягою, въ народѣ, униженномъ неволею, крѣпостнымъ правомъ, — и историческую жизнь украинскаго народа, его вѣковую борьбу за свободу, равноправность и достоинство всѣхъ людей, цѣлаго народа. И дайте только развиться на свободѣ этому народу согласно съ его природнымъ идеаломъ, и вы не будете видѣть на Украинѣ тѣхъ Катеринъ, Наймишекъ, той неволи людской, что вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ выросла на высокихъ разрытыхъ могилахъ.

Кто такимъ образомъ послѣ Шевченковой науки пойметъ народную жизнь, дѣйствительный идеалъ поэта, тотъ пойметъ и твердую основу народной жизни, стражемъ которой является правда и наука, его идеалъ — развитіе цивилизаціи, общечеловѣческой культуры на земляхъ Руси-Украины.

Только на твердой основѣ новой народной жизни Т. Шевченко и могъ въ предисловіи къ поэмѣ «Гайдамаки», вспоминая послѣднюю борьбу съ Рѣчью-Посполитою, произнести эти памятные слова: «пусть видятъ сыны и внуки, что отцы ихъ ошибались, пусть братаются со своими врагами, пусть житомъ-пшеницею, какъ золотомъ, покрытая неразмежеванною останется на вѣки отъ моря до моря славянская земля!»

Помянемъ же всею душой батька Тараса не только словомъ и празднествомъ, но и работою нашею для блага народнаго.

„Тарасъ Шевченко“, статья чеха Václav Dunder'a въ чешскомъ журналѣ «Osvěta» 1872 г.

Шевченко вышелъ изъ бѣдной крестьянской хижины. Родился онъ въ 1814 году въ Киевской губ. въ с. Моринцахъ имѣніи нѣмца Энгельгардта, которому и принадлежали родители Шевченка. Но скоро по рожденіи Тараса переселились они въ с. Кирилівку, гдѣ и выросалъ Тарасъ для того, чтобы впослѣдствіи встрѣтить и перенести безчисленные страданія, но также и достигнуть почести и славы, не только въ своемъ родномъ народѣ, но и у всѣхъ образованныхъ народовъ.

Счастливымъ былъ Шевченко только въ первые годы своего дѣтства. Въ 1823 г. онъ потерялъ мать, и отецъ его вынужденъ былъ дать дѣтямъ своимъ мачиху. Отъ нея явились у отца другія дѣти. Въ дѣтскихъ несогласіяхъ всегда преимущество имѣли на своей сторонѣ дѣти мачихи, а дѣти отца становились для мачихи все болѣе и болѣе немыми. «Не проходило часа», пишетъ Шевченко въ своихъ воспоминаніяхъ, «безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми; не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой». Много вынесъ Тарасъ побоевъ совершенно безвинно, много и за свою задорливость.

Въ это время онъ со своими сестрами часто навѣщалъ въблизи находившійся Лебединскій монастырь, который со времени возстанія казаковъ 1768 г. противъ поляковъ пользовался въ народѣ большою извѣстностію. Тамъ-то встрѣтилъ Шевченка старый монахъ, очевидецъ кровавыхъ дней, и онъ то рассказывалъ мальчику объ ужасномъ избіеніи поляковъ возставшимъ народомъ украинскимъ, объ освященныхъ ножахъ и т. п. Всѣ такіе рассказы произвели глубокое впечатлѣніе на душу мальчика. Шевченко признается, что уже тогда въ душѣ его выросла идея поэмы «Гайдамаки».

Въ 1825 г. умеръ и отецъ Тараса. Ничего онъ не оставилъ сыну изъ своего имѣнія, говоря, что изъ хозяйства ничего

ему не нужно, и что изъ него выйдетъ или очень хорошій человѣкъ, или великій негодяй. Тарасъ былъ отданъ въ ученье приходскому дячку. Дьякъ этотъ былъ человѣкъ грубый и пьяница. «Это былъ первый деспонъ», говоритъ Шевченко, «на котораго я наткнулся въ моей жизни, и онъ поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилию одного человѣка надъ другимъ». Когда ругательства и побои дьяка ставали невыносимы, Тарасъ уходилъ куда нибудь далеко, но, набродившись до сыта, принужденъ былъ возвращаться обратно.

Имѣя большую склонность къ живописи, онъ убѣгалъ учиться то къ одному, то къ другому маляру-учителю, но, не достигнувъ желаемого, онъ возвратился въ Кирилівку, гдѣ и опредѣлилъ его помѣщикъ Энгельгардтъ къ себѣ въ комнатныя козачки. Одѣтый въ куртку и широкіе шаровары, онъ прислуживалъ своему пану дома и сопровождалъ ему въ дорогѣ. Но вмѣсто того, чтобы безмолвно стоять въ углу передней и, ничего не дѣлая, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидать и немедленно являться на зовъ своего барина, онъ часто напѣвалъ про себя пѣсни, или занимался рисованіемъ.

Энгельгардтъ часто совершалъ поѣздки въ Кіевъ, Вильно, Петербургъ, и бралъ съ собою Тараса. Однажды въ Вильнѣ, когда баринъ ушелъ въ собраніе и въ домѣ все утихло, Тарасъ зажегъ въ комнатѣ свѣчи и расположился рисовать. Страстно отдавшись своей работѣ, онъ и не замѣтилъ, какъ приблизилась часъ, когда баринъ долженъ былъ вернуться изъ собранія, — какъ вдругъ двери съ шумомъ отворились, баринъ вошелъ въ комнату и яростно набросился на Тараса: вырвать его за уши, избилъ его кулаками по головѣ, все за то, что тотъ, зажегши свѣчи и поставивъ ихъ среди бумагъ, могъ бы де спалить и домъ и городъ! А утромъ онъ приказалъ еще кучеру отодрать Тараса кнутомъ.

Но наконецъ тотъ-же Энгельгардтъ, видя, что Тарасъ не обнаруживаетъ способностей къ лакейству, и будучи тронутъ какъ просьбами его, такъ и явнымъ талантомъ, отдалъ его въ 1832 г. въ ученіе на четыре года къ живописцу Ширяеву въ Петербургъ. Молодой ученикъ быстро подвигался впередъ на поприщѣ искусства, такъ что Энгельгардтъ даже поручалъ ему писать портреты своихъ любовницъ. Въ это же время познако-

мился Шевченко съ живописцемъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ потомъ до самой смерти состоялъ въ дружбѣ.

О своемъ освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія пишетъ самъ Шевченко такъ: «1837 г. Сошенко представилъ меня конференцъ-секретарю академіи художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбой освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковского, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотерей. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и векоръ портретъ Жуковского былъ у него готовъ. Жуковский, съ помощью графа Вельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2,500 руб. ассигнаціями, и этою цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 г. апрѣля 22».

Освобожденный изъ оковъ крѣпостнаго состоянія, Шевченко весь отдался теперь живописи, а отчасти и стихотворству, и сталъ посѣщать академію художествъ, а Брюловъ, знаменитый художникъ и его учитель, очень полюбилъ даровитаго ученика, освобожденію котораго такъ много способствовалъ.

На нѣкоторое, впрочемъ, время Шевченко овладѣлъ духъ разсыпанной, веселой свѣтской жизни. Онъ сталъ щеголять, часто ходить въ гости, вообще жилъ весело и мало брался за работу, особенно-же живописную, за что не одинъ разъ укорялъ его Сошенко, порицавшій его стихотворныя попытки. Въ 1840 г. онъ познакомился съ Кухаренкомъ, который впоследствии былъ генераломъ черноморскихъ казаковъ и съ которымъ завязалась у Шевченка тѣсная дружба.

Наконецъ въ 1844 г. онъ получилъ званіе свободного художника. Первые его литературные опыты происходили въ Лѣтнемъ саду, который посѣщалъ онъ еще во время своего перваго пребыванія въ Петербургъ очень часто, срисовывая находящіеся тамъ статуи. «Украинская строгая муза, говоритъ Шевченко въ своей автобіографіи, долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнію въ школѣ, въ помѣщицкой передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но, когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ

хою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ».

Изъ первыхъ своихъ поэтическихъ опытовъ онъ отдалъ въ печать только одну балладу «Причинна» (помѣшанная). Это есть сказка (народная легенда), взятая изъ устъ малорусскаго сельскаго люда. Дѣвушка-сирота полюбила всѣмъ сердцемъ молодаго казака; онъ отправился на войну и долго не возвращался. Ворожея сдѣлала такъ, что бѣдная дѣвушка, ставши лунатичкой, бродила ночью по берегу Днѣпра и высматривала своего милаго. Вѣрно, погибъ онъ, думаетъ дѣвушка: не китайкою покрылись его казацкія очи и не слеза дѣвичесъ омыла его бѣлое лице, а вѣрно орелъ съ чужой стороны вынулъ его очи, а волки растерзали тѣло. Не прійдетъ уже милый, она не поздравитъ его съ радостнымъ днемъ свободы. Широкій Днѣпръ реветъ и вѣтеръ воесть. Изъ за тучъ, гонимыхъ вѣтромъ, выглядываетъ мѣсяцъ и освѣщаетъ волны и берега. Когда утихъ вѣтеръ, новыходили изъ Днѣпра малыя дѣти некрещеныя и усеяли берегъ. Подбѣжавши къ дубу, увидѣли они дѣвушку, которая взобралась на вершину его и оттуда высматриваетъ кругомъ. Наконецъ она слазитъ, а русалки ее и поджидаютъ, и когда она ступила на землю, онѣ ее зачекотали по обычаю своему съ веселымъ смѣхомъ.

А между тѣмъ на утро, предъ восходомъ солнца, возвращается по этой дорогѣ молодой казакъ. Онъ торопитъ изнемогающаго коня: хата милой уже близко, и скоро они уже тамъ отдохнуть, привѣтствуемые милой. Но вотъ подъ дубомъ лежитъ дѣвушка: это его милая. Казакъ припадаетъ къ ней, но—уже не воскреситъ онъ ее. Съ отчаянія онъ тутъ же разбиваетъ о дубъ свою голову. На другой день дѣвушки, идучи жать въ поле, нашли два трупа, но перенуганныя разбѣжались. Потомъ сошлись дружки и пролили горькія слезы, а товарищи казака выкопали глубокую могилу; пришли попы съ хоругвями зазвонили звоны, закопали мертвыхъ въ землю и насыпали надъ ними двѣ могилы. Посадили надъ казакомъ яворъ высокій, а надъ дѣвушкой — красную калину. Стали прилетать на эти могилы зозуля и соловей и по вечерамъ жалобно вспоминали о погибшихъ.

Преданія о русалкахъ весьма распространены въ мало-

русскомъ народѣ, о чемъ свидѣлствуютъ многія пѣсни. Одна изъ нихъ и послужила темой для стихотворенія Шевченка «Русалка».

Сельская дѣвушка, соблазненная паномъ, родила дочку. Поссорившись съ любовникомъ, вышла она ночью съ дочкой къ Днѣпру и, пустивши ее на воду, заклала, чтобы она выплыла уже русалкою и отмстила за себя и за свою мать, задушивши отца-соблазнителя. Плыветъ дитяtko, укачиваемое волнами; увидѣли его русалки и приняли къ себѣ. Выросши русалкой, поджидаетъ она отца своего, но онъ не приходитъ: видно мать помирилась съ нимъ и опять роскошествуетъ въ панскихъ палатахъ. Минула недѣля, а мать съ паномъ на берегъ не приходитъ. Но вотъ однажды.

Выйшла маты погуляты—
Не спытця въ палатахъ:
Пана Яна нема дома,
Ни зъ кимъ розмовляты.

Истомленная, вышла она къ рѣкѣ и вспомнила о дочкѣ, но не долго думала о ней: забылось уже прежнее горе. Возвращается она спать въ палаты, но не пришлось ей дойти до дому: русалки выскочили изъ воды и, кружась подлѣ нея, затаскивали ее въ воду и утопили.

Въ 1840 г. вышло въ свѣтъ первое собраніе поэтическихъ произведеній Шевченка подъ именемъ «Кобзаря», въ которомъ кромѣ думъ — небольшихъ лирическихъ произведеній, находились: «Наймичка», «Причинна», «Утоплена», «Перебендя», «Тополя», «До Основьяненка», «Иванъ Підкова», «Тарасова нічъ» «Катерина».

Первое мѣсто между этими произведеніями занимаетъ поэма «Катерина», которую Шевченко посвятилъ поэту Жуковскому на память 22 апрѣля 1838 года.

Въ этой поэмѣ Шевченко коснулся одной изъ печальнѣйшихъ сторонъ крестьянской жизни, и каждое слово его проникнуто беззаветной любовью къ народу. Этотъ приниженный народъ, лишенный умственнаго образованія, проявляетъ свои свѣтлыя стороны въ жизни сердца; но это честное сердце, склонное къ любви и довѣрчивое, становится часто причиной несчастій бѣдныхъ деревенскихъ дѣвушекъ изъ этого народа. Онъ то и

бываютъ часто жертвой порочности людей высшаго круга, надъ ними стоящихъ.

Катерина горячо полюбила молодого «москаля» панича и всей душой отдалась ему, не смотря ни на предостереженія отца и матери, ни на пересуды сосѣдей. Напрасно—бывало—ожидать ее мать по вечерамъ: не одну ночь провела Катерина въ вишневомъ саду съ своимъ милымъ, пока, наконецъ, и люди стали толковать «недоброе», а тутъ и горе подкралось... Объявленъ походъ, и пришлось Катеринѣ разстаться съ милымъ; но она ему вѣрить: онъ скоро вернется и она будетъ его женою... Но скоро, ставши «покрыткою», Катерина лишилась уже навсегда покоя: пришлось избѣгать ей и взора людскаго, въ одиночку выходить по ночамъ по воду и слезами прерывать свою пѣсню, до ранняго утра оставаясь безъ сна въ саду подъ калиною. Покрытая «жиночимъ» платкомъ, напрасно высматриваетъ она изъ окна убогой своей хаты, напрасно съ тоской глядитъ на дорогу: уже полгода прошло въ печальномъ ожиданіи. Сколько обидныхъ упрековъ должна была вынести бѣдная женищина, качая своего ребенка—солдатскаго сына!..

Здѣсь Шевченко прерываетъ разсказъ, вноситъ въ него, по образцу народныхъ пѣсень, прекрасное лирическое отступленіе:

Катерино, сердце мое,
Лышенько зъ тобою!
Де ты въ свити подинешся
Зъ малымъ сыротою?
Хто спытае, привитае,
Безъ мылого въ свити?
Батько-маты—чужи люде,
Тяжко зъ ными жыты.

Наступила весна. Катерина, выходя изъ хаты въ садъ зеленый, не поетъ уже, какъ бывало прежде, когда поджидала своего милаго,—теперь она проклиная судьбу свою. Ея милый далеко, онъ не видитъ слезъ ея, не слышитъ, какъ насмѣхаются надъ нею. Можетъ быть онъ погибъ уже за тихимъ Дунаемъ,—а можетъ быть въ своей Московщинѣ полюбилъ другую? Нѣтъ, не убить милый, онъ живъ и здоровъ, и не полюбилъ онъ другой: гдѣ же онъ найдетъ такія очи, такія брови?.. Но Катеринѣ мать сумѣла дать лишь черныя брови, да карыя очи, а не дала счастья-доли, а безъ счастья—

бѣлое лице, что цвѣтокъ на полѣ: солнце сожжетъ его, вѣтеръ сломастъ, прохожіе сорвутъ или затопчутъ его.

Наконецъ отецъ и мать велѣтъ Катеринѣ оставить родную хату и идти за своею парой въ далекую Москву.

Изъ устъ матери раздаются упреки осрамленной дѣвушкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженія непотухшей материнской любви. Мать охотно-бы простила вину дочери, но что скажутъ злые люди? И вотъ она со слезами говоритъ: «а что-же, дочка, твоя свадьба? гдѣ твоя пара? гдѣ дружки, старосты, бояре? Въ Московщинѣ! Иди же, ищи ихъ тамъ! Какъ ягоду, какъ пташку, я любила тебя, а ты мнѣ такъ отплатила! Иди-же себѣ отъ насъ и будь счастлива на чужой сторонѣ!» Сказавъ это, она едва поблагословила дочку и упала, какъ мертвая, на землю. Катерина бросилась къ ногамъ отца и, заливаясь слезами, промолвила: «прости меня, отецъ!» Но тотъ коротко прощается съ нею: «пусть Богъ тебя проститъ! Молись Ему, а насъ оставь: намъ легче будетъ». Едва поднялась бѣдная дѣвушка, вышла въ садъ, помолилась Богу, взяла комокъ родной земли и съ ребенкомъ на рукахъ покинула отцовскую хату. За деревней стояла на дорогѣ, и горькія слезы, какъ роса, пали на родную землю; горячо прижимаетъ она къ своему сердцу ребенка, цѣлуетъ его, а онъ, какъ ангелъ, ничего не зная, ищетъ ручками материнской груди.

Такое-то горе, говоритъ поэтъ, причиняютъ люди другъ другу! Того, смотришь, бросаютъ въ окопы, того убиваютъ, а тотъ самъ себя губить... А изъ-за чего? Только Богъ святой знаетъ. Кажется, и обширенъ свѣтъ, а все нѣтъ въ немъ убѣжища несчастнымъ. Одного судьба надѣлила цѣлыми обширными краями, другому-же предоставила лишь мѣсто для могилы. А гдѣ же тѣ добрые люди, съ которыми жить такъ страстно желало сердце? Пропали!..

Есть на свити доля,
А хто еи знае?
Есть на свити воля
А хто еи мае?
Есть на свити люде—
Срибломъ-златомъ снують,
Здаеця, панують,
А доли не знають,—

Ни доли, ни воли!
 Зъ нудгою, та зъ горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты—соромъ.
 Возьмись срибло-злато
 Та будьте багати,
 А я визьму слезы—
 Лыхо выливаты;
 Затоплю недолю
 Дрибными слёзамы,
 Затопчу неволю
 Босымы ногамы!
 Тоди я веселый,
 Тоди я богатый,
 Якъ буде серденько
 По воли гуляты!

Третья глава поэмы начинается прекраснымъ, такъ сказать, слезами нарисованнымъ изображеніемъ странствовавшей Катерины въ чужой сторонѣ, среди чужихъ равнодушныхъ людей, во время зимней непогоды.

Катерина добралась уже до Кіева, питаясь подаеніемъ, ночуя часто подъ открытымъ небомъ... Поэтъ обращается къ чернобровымъ и говоритъ, что напрасно бы они, попавши въ положеніе Катерины, спрашивали людей, за что они такъ безжалостны: люди вѣдь преслѣдуютъ того, кого уже Богъ покаралъ...

Люде гнутци, якъ ти лозы,
 Куды витерь віє.
 Сыротыни сонце свитить
 (Свитить та не гріє) — и т. д.

Сколько въ этихъ немногихъ строкахъ состраданія и христіанскаго милосердія къ людямъ, сколько жалости къ несчастной.

Наступила зима. Катерина, еле прикрытая убогой свиткой, встрѣчаетъ въ дорогѣ команду солдатъ и наивно пускается въ разспросы о своемъ миломъ; но солдаты лишь осмѣяли ее. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ страданій, судьба доставила ей встрѣчу съ покинутымъ любовникомъ. Во главѣ коннаго отряда, какъ начальникъ, онъ ѣхалъ верхомъ, и Катерина,

узнавши его, съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему; но вмѣсто ожидаемаго привѣтствія она услышала грозный голосъ, приказывавшій прогнать ее, какъ «безумную»... Напрасно она просить его взглянуть на сына: «возьмите прочь безумную», повторилъ онъ приказаніе, и отрядъ скоро скрылся изъ глазъ пораженной Катерины. Бросила она ребенка на дорогѣ, а сама въ недалекомъ пруду подъ льдомъ покончила съ жизнью.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по той-же дорогѣ проѣзжалъ богатый экипажъ, въ которомъ сидѣлъ панъ съ женой; а на дорогѣ сидѣлъ слѣпой кобзарь — илцій, подлѣ котораго стоялъ оборванный мальчикъ — «поводатаръ». Экипажъ остановился и женская рука, подавши знакъ мальчику, бросила изъ окна мѣдную монету. Господинъ тоже выглянулъ изъ экипажа, но, взглянувши на мальчика, быстро отвернулся: онъ узналъ въ немъ своего сына, сына Катерины, узналъ по карымъ глазамъ и чернымъ бровямъ. Экипажъ тронулся и пыль покрыла мальчика, подымавшаго брошенную милостыню.

Эту простую повѣсть о судьбѣ несчастной Катерины Шевченко сдѣлалъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній, исполненныхъ высокаго лиризма, внесъ въ него глубокія размышленія, какъ плодъ наблюденій надъ міромъ и людьми.

При этомъ онъ не отступилъ отъ простоты чисто народнаго повѣствованія. Поэтъ, такъ сказать, схватилъ одну слезу изъ человѣческой жизни и силою своей любви дивно намъ осветилъ ее. Простая деревенская дѣвушка стала героиней, обманутая дѣвушка стала мученицей, а ея оболѣститель — преступникомъ. Сколько подобнаго рода страданій происходитъ въ жизни! Повѣданный міру, онъ вызываютъ слезу состраданія и осужденіе обиды! Въ «Катеринѣ» Шевченко выступаетъ, какъ защитникъ божьей справедливости.

Повѣсть «Наймичка» по своему содержанію представляетъ родную сестру «Катерины». Въ воскресенье, рано утромъ, когда вся степь была покрыта туманомъ, сидѣла на курганѣ посреди степи молодая женщина, прижимая къ сердцу своего ребенка, рожденіе котораго принесло ей стыдъ и слезы. Наймичка Ганна, вспоминая свою привязанность къ покинувшему ее любовнику, рѣшается разорвать съ прошлымъ, не питать уже надеждъ на собственное свое личное счастье, и вся отдается лишь материнской любви. На близкомъ хуторѣ жило счастливое супружество,

двое старых людей—Трохимъ и Настя. Благословилъ ихъ Богъ и достаткомъ, и счастьемъ, не далъ лишь одного—дѣтей. Сидятъ въ воскресный день старики передъ своей хатой, задумавшись... Что же это за печаль овладѣла ими? Ужь не собираются-ли они «на тотъ свѣтъ»... Кто же проводить ихъ, кто похоронить? кто заплачетъ надъ ними? Дѣтей у нихъ нѣтъ, и все «добро» ихъ разберутъ чужіе люди. Въ это время послышался какой то плачь; они вышли за ворота и тамъ нашли завернутого въ платокъ ребенка, который съ плачемъ протягивалъ къ нимъ свои ручки. Обрадовались старики, увидя въ этомъ посланное имъ Богомъ счастье; берутъ подкинутого ребенка и сейчас же хлопотливо заботятся о крестинахъ. Назвали подкидыша Маркомъ. Не нарадуются старики своему приемышу, не знаютъ уже, какъ ему и угодить. Прошелъ такъ годъ, и вотъ однажды приходитъ къ нимъ на хуторъ молодая женщина и проситъ принять ее въ служанки. Трудно уже было старикамъ однимъ справляться и съ хозяйствомъ, и съ маленькимъ Маркомъ, и вотъ они нанимаютъ эту работницу. Хотѣли было договориться о цѣнѣ, но Ганна и слушать не хочетъ, откладывая это на послѣ. Принятая стариками, Ганна обрадовалась несказанно и стала усердно заботиться о хозяйствѣ, а еще больше о маленькомъ Маркѣ: когда только можно, беретъ его на руки, ласкаетъ, цѣлуетъ, всегда старательно вычесываетъ его головку, умываетъ, одѣваетъ въ чистое бѣлье. Рады и старики, что нашли такую работницу, которая стала для ихъ Марка какъ бы родной матерью. Но работница не всегда весела... Только темная ночь, да маленький Марко, когда проснется, видятъ ея слезы и слышатъ горькія жалобы; но ночь глуха и нѣма, а Марко не умѣетъ еще говорить и не знаетъ, отчего это его Ганна такъ плачетъ. Ночью она часто, проклиная свою судьбу, обливаетъ Марка горькими слезами, такъ что тотъ безпокойно поворачивается на своей постелькѣ, а она тогда удерживаетъ свой плачь, колышетъ ребенка и, осылая его крестомъ, горячо молится надъ нимъ. Бѣдная наймичка!

Много воды уплыло, много лѣтъ миновало. Похоронили на хуторѣ старую Настю, остался одинъ Трохимъ, который въ своей печали утѣшался только подроставшимъ Маркомъ. А Марко сталъ уже и чумаковать, пришло время подумать и о

ной, а она рада бы царевну отыскать для Марка, но — пусть онъ лучше самъ выберетъ себѣ по сердцу. Наконецъ, послали старость къ избранницѣ Марка и уже готовились къ свадьбѣ. Но кто же заступитъ мѣсто матери у Марка? спрашиваетъ Трохимъ: «не дождалась стара Настя, умерла»... и заплакалъ старикъ. А Ганна, стоя у дверей, вздрогнула при словѣ «мать» и обомлѣла...

Настала и свадьба. На хуторѣ началась шумная дѣятельность: за недѣлю до свадьбы уже дѣлались приготовления; старикъ самъ хлопочетъ, еле ноги его носятъ: веселый, танцуетъ онъ съ дружками, зазываетъ къ себѣ и знакомыхъ и незнакомыхъ, усердно угощаетъ ихъ, и все веселится.

Но гдѣ же наймичка Ганна? Она побрела въ Кіевъ, къ святымъ угодникамъ на богомолье. Напрасно упрашивалъ ее старый Трохимъ, а Марко даже плакалъ, прося ее быть посаженной матерью: отказалась наотрѣзъ Ганна и, благословивши Марка, со слезами разсталась съ хуторомъ. Въ Кіевѣ не отдыхала Ганна, а поденной работой добыла лишнюю копѣйку и купила въ подарокъ Марку шапочку, освященную въ пещерахъ, чтобы голова не болѣла, а молодой его женѣ — кольцо отъ святой Варвары.

Радостно встрѣтили ее молодые на хуторѣ, когда она вернулась: послѣ привѣтствій, угощеній и разспросовъ о Кіевѣ сама хозяйка постелила ей постель въ свѣтлицѣ. «За что они меня такъ любятъ? думала Ганна: можетъ быть они догадались?... Нѣтъ, нѣтъ—это такъ отъ добраго сердца».

Четыре года подрядъ повторила она свое далекое путешествіе, но въ четвертый разъ уже на возвратномъ пути заболѣла и едва добрела до хутора. Молодая Катерина, какъ и всегда, радостно привѣтствовала ее, какъ родную мать, но на этотъ разъ она была одна на хуторѣ съ старымъ Трохимомъ, а Марко былъ въ дорогѣ. Разнемоглась Ганна, не ѣстъ и не пьетъ, а о Маркѣ все тревожнѣе спрашиваетъ, роняя слезы изъ угасающихъ очей. Все хуже и хуже Ганнѣ: уже она исповѣдалась и причастилась. Какъ убитый ходитъ Трохимъ, а Катерина, не смыкая глазъ, ухаживаетъ подлѣ больной.

Имѣя уже смерть передъ глазами, ожидаетъ она дорогое дитя свое, чтобы благословить его,—то дитя, изъ за котораго она такъ много терпѣла, надъ которымъ такъ много пролила слезъ, которому посвятила всю свою жизнь.

Но вот наконецъ возвращается домой и Марко. Везетъ онъ женѣ дорогаго сукна въ подарокъ, отцу — вышитый краснымъ шелкомъ поясъ, а Ганиѣ — парчи на «очипокъ» и красивый платокъ, а для всѣхъ вмѣстѣ — боченокъ цареградскаго вина и икры изъ Дону. «Слава Богу прїѣхалъ!» говоритъ наймичка Ганна: «слышишь, Катерино? бѣжи ему на встрѣчу и приведи его скорѣе ко мнѣ! На силу то я дождалась!» и про себя шепчетъ тихонько «Огче нашъ!». А Марко, видя уже всѣхъ своихъ подлѣ себя, спрашиваетъ: «гдѣ же Ганна? не умерла ли»? Катерина ведетъ его къ больной. Крѣпко смутился Марко, остановившись въ дверяхъ, а Ганна къ нему: «слава Богу, слава Богу! Подойди ближе, не бойся! А ты, Катерино, выйди отсюда, мнѣ хочется съ Маркомъ поговорить». И Марко наклонился надъ головой умирающей. «Посмотри на меня Марко! Знаешь ли, какъ я жизнь свою погубила? Я не Ганна — наймичка, я...» и умолкла. Марко заплакалъ, а умирающая, вновь открывъ глаза, уставила ихъ на Марка: «прости мнѣ, сынку! Я сама себя казнила всю жизнь, искупая грѣхъ въ чужой хатѣ, на чужомъ хлѣбѣ... Я... я — твоя мать». Упалъ Марко на землю при этихъ словахъ, а очнувшись спѣшить обнять свою мать, но она уже заснула навѣки...

Весь этотъ разсказъ проникнуть, такъ сказать, библейскою простотою и трогательностію, а что касается до чистоты мысли христіанской — превосходитъ всѣ другія произведенія Шевченка. Духъ кобзаря отвернулся здѣсь на время отъ непріятныхъ впечатлѣній общественныхъ и, освободившись отъ злобы и отчаянія, вознесся къ образу тихаго самопожертвованія, некупающаго страданія. Но слогъ въ «Наймичкѣ» не такъ силенъ, какъ въ «Катериинѣ». Особенно же выдается здѣсь отсутствіе тѣхъ лирическихъ отступленій въ разсказѣ, тѣхъ размышленій, которыя, выходя изъ устъ поэта, являются какъ-бы выходящими изъ устъ самого народа и безъ которыхъ вообще не обходятся народные разсказы.

Въ «Перебендѣ» является передъ нами идеаль украинскаго бандуриста, пѣвецъ безъ пристанища, очевидно близкій и родной душѣ самого поэта. Скитаясь по міру, Перебенда готовъ за одно лишь «спасибо» играть передъ людьми, разгоняя этимъ ихъ скорбь, хотя ему самому жизнь уже въ тягость. Не имѣя собственнаго угла, онъ часто проводитъ дни и ночи подъ

чужимъ заборомъ; непріязненная судьба преслѣдуетъ его съ дую голову, но онъ не обращаетъ на это вниманія и поетъ то, что нравится другимъ: дѣвушкамъ въ деревнѣ поетъ онъ «Грыця», Веснянку», а парнямъ «Шинкарку»; въ городѣ-же на ярмаркѣ поетъ про Лазаря, а то иногда затынетъ и печальную думу о томъ, какъ Съчъ разрушали. Всегда онъ начинаетъ свои пѣсни смѣхомъ, а кончаетъ часто слезами.

Онъ поетъ не для одной лишь забавы людской: часто этотъ простой бандуристъ становится вдохновеннымъ поэтомъ и иногда, когда вѣтеръ гуляетъ по полю, сидитъ этотъ слѣпой старикъ на курганѣ среди степи, широкой какъ море, и поетъ себѣ одинъ, чтобы никто не слышалъ этого Божьяго слова: сердце кобзаря разговариветъ тогда съ самимъ Богомъ; мысль его, какъ орелъ, летаетъ тогда высоко надъ міромъ, достигаетъ самого солнца, спрашивая его, гдѣ оно почуетъ, какъ оно встаетъ, — прислушивается къ говору моря, допрашиваетъ гору, зачѣмъ она нѣма.... и опять улетаетъ эта мысль къ небу, потому что на землѣ — горе: нѣтъ на ней угла тому, кто все знаетъ, кто все слышитъ, онъ въ мірѣ одинъ, какъ и это высокое солнце.... Люди хотя его и знаютъ, но еслибъ и услышали, какъ онъ поетъ одинокій въ степи на курганѣ, разговариваетъ съ моремъ, — насмѣялись-бы они надъ его вдохновенными словами, безумцемъ бы его назвали и прогнали бы прочь отъ себя... «И хорошо ты дѣлаешь», такъ обращается поэтъ къ своему Перебендѣ: «что поешь на курганѣ.... Пой, мой голубь, пока не заснуло твое сердце, пой такъ, чтобы не слышали люди и не преслѣдовали тебя». А чтобы не отворачивались они отъ тебя, потакай, братъ, имъ:

Скачы, враже, якъ панъ каже:

На те винъ богатый.

Такою горькою ироніей оканчиваетъ поэтъ свою думу. Прекрасный образецъ малорусскихъ повѣрій представленъ въ разсказѣ «Тополя», основанномъ на народной сказкѣ. Чернобровая дѣвушка горячо полюбила казака, но не удержала его подлѣ себя: онъ ушелъ и погибъ безъ вѣсти. Не полюбила-бы она его такъ сильно, когда-бъ знала, что онъ ее покينетъ, не пустила-бъ она его отъ себя, еслибъ знала, что погибнетъ; еслибъ знала — не ходила-бы она въ сумерки по воду, не стояла-бъ до полуночи съ милымъ подъ вербою.... Увы, еслибъ

то знала... Но — лучше-ли знать напередъ, что съ нами случится? Нѣтъ, не узнавайте лучше, дѣвушки, не спрашивайте о своей судьбѣ: сердце само знаетъ, кого ему любить, и пусть оно лучше вянеть, пока не схоронятъ. Не долго вѣдь, чернобровыя, остаются румяными ваши бѣлыя лица и живыми ваши карія очи: любите же, когда и какъ вамъ сердце укажетъ. Запоетъ—бывало—гдѣ нибудь на лугу въ капнѣ соловей, и вотъ казакъ съ пѣсней выходитъ на долину, поджидаетъ, пока милая выйдетъ изъ хаты, и онъ потихоньку спроситъ ее: а не была ли ее мать? И постоятъ они, обнявшись, послушаютъ соловьиною пѣсню, затѣмъ разойдутся — и счастливы оба. И никто не увидѣлъ, никто не допрашивалъ: гдѣ была? что дѣлала? Она одна о томъ знаетъ. Такъ любили другъ друга молодые люди; но сердце предчувствовало что то недоброе, хотя и не умѣло этого высказать: не сказало оно, пока не осталась чернобровая одна, покинутая милымъ, какъ голубка безъ голубя. Не щебечетъ, какъ бывало, соловей на лугу, не поетъ и черноброва, стоя подъ вербою: тоскуетъ она, сиротой оставшись въ мѣрѣ.

Прошелъ годъ, а за нимъ другой,—дѣвушка вянеть, какъ цвѣтокъ полевой. А между тѣмъ ей готовилось и новое несчастье: мать сосватала ее за стараго богача и говоритъ ей: «иди за него, онъ богатъ, ты будешь пановатъ». «Не хочу я пановатъ, не пойду за него; лучше моими свадебными «рушниками» спустите меня въ могилу и пусть попы запоютъ надъ нею, а дружки заплачутъ». Но старуха-мать не обращала вниманія на отказъ дочери и дѣлала приготовленія къ свадьбѣ. Вотъ однажды въ полночь отправляется дочка къ ворожеѣ и спрашиваетъ ее о своемъ милымъ. Ворожея посылаетъ дѣвушку къ источнику, чтобы она умылась водой изъ него на утренней зарѣ и затѣмъ выпила-бы нарочно для нея приготовленнаго чудеснаго питья. Послушалась дѣвушка, сдѣлала все, какъ было приказано, и, ставши среди степи, какъ будто во снѣ, запѣла:

Плавай, плавай, лебедонько,
По сынему морю,
Росты, росты, тополецько,
Все въ гору, та въ гору!
Росты тонка та висока
До самой хмары,
Спытай Бога, чи дижду я
Чи не дижду пары?

Она проситъ тополию посмотреть въ далекій край за синимъ моремъ: тамъ гдѣ то скитается ея милый въ то время, какъ она въ плачѣ и горѣ проводитъ годы, все поджидая его. «Скажи ему, что люди смѣются надо мною, скажи, что я умру, если онъ не вернется: сама мать хочетъ похоронить меня... а кто жъ тогда позаботится о ея бѣдной готовушкѣ, кто приглядитъ за ней, кто поможетъ ей въ старости?»... Такую пѣсню запѣла дѣвушка въ степи и чары сдѣлали свое дѣло: она сама превратилась въ стройную, высокую тополь, — не вернулась уже больше домой. Въ этой чудной пѣснѣ Шевченко блестящимъ образомъ показалъ свое великое искусство воспроизводить народную лирику. Здѣсь представлена имъ любовь въ той формѣ, какая свойственна простому народу: она чужда искусственности и полна страсти, она проста, но вмѣстѣ съ тѣмъ полна воодушевленія и, такъ сказать, обята растительнымъ благоуханіемъ природы. Рядомъ съ любовью къ милому выступаетъ и сильная любовь дочерняя къ матери.

Баллада «Утоплена» передаетъ намъ одно изъ многочисленныхъ преданій славянскихъ народовъ о прекрасной падчерицѣ и ненавидящей ее мачихѣ. И здѣсь мы видимъ, что Шевченко—это самъ поющій народъ. Онъ рассказываетъ намъ народное преданіе о томъ, какъ одна молодая вдова, весело гуляя съ казаками, родила дочь и отдала ее на руки чужимъ людямъ, а когда та выросла и красотой своей, привлекая молодыхъ казаковъ, совѣмъ затемнила мать, она изъ ревности утопила ее. Рыбакъ, любившій безъ памяти красавицу-дочку, видѣлъ это и бросился было за нею въ воду, но вытащилъ ее уже мертвою. Съ отчаяніемъ обнимаетъ онъ холодный трупъ и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ бросается и самъ въ воду.

Съ тѣхъ поръ каждую ночь при лунномъ свѣтѣ выходитъ изъ воды на одинъ берегъ страшная злая мачиха и, глядя на другой берегъ, рветъ на себѣ косы, а между тѣмъ на этотъ другой берегъ выплываетъ дѣвушка со своимъ возлюбленнымъ и, посидѣвши вмѣстѣ, вновь исчезаютъ въ глубинѣ пруда.

Изъ историческихъ думъ стихотвореніе «Иванъ Підкова» представляетъ, повидимому, отрывокъ изъ большаго сочиненія, изображающаго отважные набѣги казаковъ, часто предпринимавшіеся ими на турокъ: только какъ воспоминаніе о прошлой казацкой славіи при сравненіи съ настоящимъ временемъ является не-

редъ кобзаремъ величественная фигура смѣлаго атамана въ тотъ моментъ, когда онъ, ходя по «байдаку» съ трубою въ зубахъ, рвшасть:

«Нехай ворогъ гине!
Не въ Сынопу отаманы,
Панове молодци,
А у Царьградъ, до султана
Пондемо въ гости!»

«Гамалія» — это своего рода введение къ дальнѣйшимъ историческимъ произведеніямъ «Тарасовой ночи» и «Гайдамакамъ». Шевченко, поэтически изображая прошлую жизнь казаковъ, долженъ былъ вносить въ свои произведенія кровавые цвѣты, потому что кровавымъ было все прошлое казаковъ: лишенные правильно организованнаго гражданскаго быта, казаки составляли въ обществѣ воинскую дружину и конь было ихъ девизъ и ихъ право.

«Гамалія» начинается скорбною пѣснью украинскихъ казаковъ, которые томятся въ темницахъ скутарійскихъ. Эта жалобная пѣсня несется по Босфору, который и передаетъ ее великому дугу и «батьку» Диѣпру; а тамъ слышали ее казаки и живо собрались на помощь братьямъ и уже плывутъ на своихъ байдакахъ съ громкими пѣснями. Во главѣ ихъ вожь Гамалія, жадный до крови, который всегда выступалъ въ походъ первымъ и возвращался послѣднимъ. Приплыли казаки въ Скутари. Это было ночью, но скоро они ночь превратили въ день, запылавъ Скутари, казаки изрубили турокъ, освободили своихъ и захватили богатую добычу. Такимъ образомъ *популярно*, возвращаются они домой, распѣвая по морю.

Но вотъ передъ нами другая картина. Опять сидитъ кобзарь на распутѣ и играетъ, а вокругъ него столпилась толпа дѣвушекъ и парней, какъ нива цвѣтущаго маку. Играетъ кобзарь и поетъ о давнихъ событіяхъ на Украинѣ, о томъ, какъ воевали противъ нея татары, турки, ляхи, воспоминаетъ о славныхъ подвигахъ казаковъ, въ лицѣ которыхъ Украина всегда имѣла защиту и покрывала себя воинскою славой; поетъ затѣмъ кобзарь горькую пѣсню о настоящемъ, изображаетъ рядомъ съ свободою прошлое современное ему рабство своего роднаго народа, описываетъ Украину своего времени.

Тарасъ Трясило призываетъ казаковъ къ оружію для защиты вѣры и свободы отцовской. И возстали казаки противъ ляховъ.

Но война была неудачна: польскій вожь Конецпольскій одерживаетъ побѣду и истребляетъ множество казаковъ. Послѣ побѣды устраиваетъ роскошный пиръ. Этимъ то моментомъ пользуется Трясило и ночью бросается съ горстью казаковъ на пьяную и сонную шляхту. Нападеніе удалось: казаки изрубили: коронное войско до послѣдняго воина. Эту то отважную и удачную экспедицію Трясила и воспѣваетъ Шевченко въ исторической думѣ «Тарасова ночь». Но сущность этой поэмы, главное ее содержаніе — это картина той неурядицы, которую производила своевольная польская шляхта въ свободной когда то Украинѣ. Шевченко, какъ уже сказано было, въ своихъ поэмахъ строго держится народнаго преданія: чѣмъ страдаетъ его народъ, тѣмъ страдаетъ и онъ; гдѣ народъ плачетъ, тамъ и нашъ кобзарь проливаетъ слезы; гдѣ народъ проклиняетъ — то же дѣлаетъ тамъ и онъ. Народъ малорусскій не забылъ тѣхъ обидъ, которыя причиняла ему прежде польская шляхта, и этого преданія строго держался Шевченко.

Что касается до изображенія самого событія «Тарасовой ночи», то этой поэмы нельзя сравнивать въ этомъ отношеніи съ «Гамаліей», гдѣ поэтъ мастерски изобразилъ все страшныя дѣйствія кроваваго событія, тогда какъ въ «Тарасовой ночи» о главномъ событіи онъ, такъ сказать, только упоминаетъ, не останавливается надъ его подробностями и передаетъ лишь общее впечатлѣніе.

Самое замѣчательное произведеніе музы Шевченка — это поэма «Гайдамаки». Сюжетомъ ей служитъ кровавая уманская рѣзня 1768 г., которая послужила также и славному польскому поэту Северину Гоцинскому основаніемъ для его повѣсти «Замокъ Капювскій».

Шевченко самъ говоритъ, что онъ, будучи еще ребенкомъ, узналъ отъ старыхъ людей о томъ, что происходило въ Украинѣ въ 1768 г., слѣдовательно, онъ почерпнулъ матеріалъ для своей поэмы изъ самаго лучшаго источника. Въ первой пѣснѣ, озаглавленной «Интроекція», Шевченко набросилъ въ немногихъ чертахъ исторію Речи-Посполитой и въ особенности безурядицу тогдашняго правленія шляхты. Вторая часть «Гайдамаки» представляетъ болѣе подробную картину. На сцену является еврей, который, пользуясь защитой польскаго крѣпостнаго права, жестоко обращается съ работникомъ своимъ Яре-

мой, помыкаетъ имъ. Этотъ Ярема является въ послѣдствіи подъ именемъ Галайды мстителемъ кровавыхъ обидъ. Несчастный сирота безъ роду-безъ племени, Ярема хотъ служить «наймитомъ» у еврея, но не проклинаетъ своей судьбы: иногда втихомолку заплачетъ, подчасъ ослится, но скоро вновь берется за работу: есть у него съ кѣмъ раздѣлить и радость, и горе, есть дѣвичье сердце, которое и смѣется, и плачетъ, отвѣчая Яремъ. Однажды, въ то время, какъ еврей, нагнувшись надъ сундукомъ, при свѣчкѣ сосчитывалъ свои деньги, Ярема побрелъ навѣстить свою Оксану. Въ этотъ день конфедераты нападаютъ на домъ этого еврея. Поэтъ изображаетъ живыми красками, согласно преданіямъ украинскаго народа, дѣйствія конфедератовъ, какъ нападеніе обыкновенныхъ разбойниковъ. Еврей, котораго они хотѣли ограбить, указываетъ имъ на церковнаго старосту въ Вильшанѣ, какъ на самаго богатаго челоука, у котораго притомъ же есть и другая драгоценность — дочь его красавица Оксана. Ляхи приказываютъ еврею проводить ихъ въ Вильшану.

Между тѣмъ Ярема въ Вильшаной прощается со своей милой: онъ собрался идти въ Чигиринъ, гдѣ долженъ былъ, при- ставши къ гайдамакамъ, получить освященный ножъ для истребленія ненавистныхъ ляховъ и жидовъ, для освобожденія Украины. Вечеромъ того же дня конфедераты врываются въ домъ старосты и послѣ страшныхъ истязаній убиваютъ старика, поджигаютъ его домъ и церковь и уносятъ съ собою несчастную Оксану. Кровавая мѣсть слѣдуетъ скоро за совершеннымъ преступленіемъ... Наканунѣ св. Макавѣя было пусто и тихо въ Чигиринѣ, недавно еще столь оживленномъ. Гдѣ же люди? Надъ р. Тясминомъ, въ темной рошѣ, собрались они въ ожиданіи освященія ножей... тамъ же нетерпѣливо ржутъ осѣдланые кони, ожидая орловъ, которые прилетѣли отовсюду на помощь Украинѣ, чтобы воздать ляхамъ и жидамъ кровавой отплатой за кровавыя обиды... Эти орлы—гайдамаки расположились на полянѣ — и кобзарь среди нихъ поетъ пѣсню, возбуждающую народъ къ мести...

Третье пѣніе пѣтуховъ — было сигналомъ къ жестокой рѣзни. Разразилась гроза по всей Украинѣ, и среди труповъ и потоковъ крови представляетъ намъ поэтъ героевъ этой страшной рѣзни: Желѣзняка, Гонту, Ярему. Послѣдній, понятно, бѣшено метилъ и за свою Оксану, и за ея отца, и этимъ страш-

нымъ озлобленіемъ противъ враговъ обратить на себя вниманіе вождей, которые и приняли его въ свою среду, прозвавъ его Галайдою... Въ пѣснѣ «Гупалівщина» открывается передъ нами картина городовъ и деревень послѣ этой ужасной рѣзни. Поэтъ выражаетъ чувство глубокой скорби при видѣ убійствъ, совершенныхъ «дѣтьми одной матери», которымъ слѣдовало бы жить въ братской дружбѣ и согласіи. Болитъ сердце, когда вспомнишь,

Старыхъ славянъ дити

Впылись кровью; а хто выненъ?

Кеєндзи, езуїты.

Гайдамаки съ Желѣзнякомъ во главѣ продолжаютъ свой путь. Вотъ прибыли они и въ Вильшану, гдѣ Ярема собственными глазами могъ видѣть какіе слѣды оставили по себѣ конфедераты, замучившіе старосту, минули и ту хату, гдѣ такъ недавно еще Ярема работалъ на жиду. Попавшійся на встрѣчу мальчикъ указалъ имъ, въ какую сторону ушли конфедераты: въ ближнемъ лѣсу нашли ихъ гайдамаки спрятавшимися на деревьяхъ и, конечно, побрасывали ихъ съ деревьевъ, какъ грушъ, и всѣхъ перерубили.

«Бенкетъ у Лысянци» представляетъ страшную картину пира гайдамаковъ на рынкѣ среди огня, крови и труповъ. Ярема тутъ встрѣчаетъ случайно своего прежняго хозяина еврея Лейбу и общается спасти его жизнь, если онъ поможетъ отыскать Оксану. Еврей сообщаетъ, что Оксана находится въ замкѣ. Между тѣмъ уже раздается приказаніе Гонты идти на замокъ, въ которомъ заперлись поляки. Живо поднялись на зовъ гайдамаки и бросились разрушать замокъ, избивать поголовно всѣхъ. Но Ярема успѣлъ съ помощью Лейбы счастливо спасти свою Оксану и отвезти ее въ Лебединъ.

Послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, подавляющихъ душу, читатель отдыхаетъ при чтеніи главы «Лебединъ». Бѣдная Оксана не сразу пришла въ себя послѣ всего, что произошло съ нею, но скоро все угадала, а черезъ недѣлю въ церкви Лебединской раздалось свадебное пѣніе—вѣнчали Ярему съ Оксаной. Однако Ярема, принадлежа товариществу, въ тотъ же вечеръ уже оставилъ молодую жену и поспѣшалъ къ Умани, чтобы тамъ съ Желѣзнякомъ и Гонтою устроить кровавую свадьбу ляхамъ и евреямъ.

Гайдамаки окружили Умань, гдѣ заперлось множество

шляхты, скоро ворвались въ городъ и подожгли его. Какъ опьянѣлые, Желѣзнякъ и Гонта подають примѣръ своимъ гайдамакамъ кровавой расправы. Но вотъ гайдамаки приводятъ на площадь ксендза-іезуита и съ нимъ дзухъ мальчиковъ—сыновей Гонты отъ жены-католички. Они тоже католики, а Гонта далъ клятву—не щадить ни одного католика; и вотъ онъ въ своей страшной послѣдовательности умерщвляетъ собственныхъ дѣтей... Это сцена потрясающаго трагизма... «Не похоронить-ли ихъ? спрашиваютъ его... «Нѣтъ, вѣдь они дѣти католички», отвѣчаетъ онъ и, побуждаемый страшною душевною мукой, спѣшитъ успокоить угрызения своей совѣсти въ новыхъ потокахъ крови.

Тяжкими стонами выражалъ свою душевную муку Гонта, между тѣмъ, какъ гайдамаки доканчивали кровавый пиръ... Вотъ они усѣлись за столы, съ пѣснями пьютъ и ѣдятъ послѣ страшныхъ трудовъ. Они и не замѣтили, какъ кто то въ черной длинной свитѣ пробирается городомъ и все чего то ищетъ между трупами убитыхъ: это Гонта ищетъ дѣтей своихъ... Вотъ онъ нашелъ ихъ, взялъ на плечи и осторожно, стараясь, чтобы никто его не замѣтилъ, уходитъ въ поле. Тамъ, при заревѣ горящаго города, вдали отъ дороги, копаютъ онъ своимъ «священнымъ» ножомъ могилу и погребаетъ въ ней дѣтей своихъ, чтобы «казацкія дѣти» не достались на съѣденіе собакамъ.

Въ «эпиграфѣ» поэтъ вспоминаетъ свои молодые годы, когда онъ мальчикомъ-сиротою, безъ хлѣба, безъ одежды блуждалъ по той самой Украинѣ, гдѣ Желѣзнякъ и Гонта такъ страшно «гуляли». Не разъ онъ горько плакалъ тогда надъ своею судьбою, а теперь—ему жаль и той прежней горькой судьбы своей молодости, жаль, что то прежнее время такъ скоро прошло: вѣдь онъ тогда жилъ по крайней мѣрѣ въ родной своей прекрасной Украинѣ, у стараго дѣда... Этотъ то дѣдъ и рассказывалъ ему событія «Коліивщины»—какъ называлъ народъ возстаніе гайдамаковъ—при чемъ мальчикъ-поэтъ не разъ прерывалъ рассказы дѣда своими слезами, которыми оплакивалъ несчастнаго старосту и сыновей Гонты.

Въ 1845 и 1847 гг. предпринималъ нашъ поэтъ путешествіе въ любимую имъ Украину, нѣкоторое время жилъ въ Кіевѣ, занимаясь живописью. Въ это время написалъ онъ поэму «Иванъ Гусъ», которую посвятилъ славному чеху П. Шафарику, а также нѣсколько другихъ произведеній, которые не могли быть изданы

въ Россіи влѣдствіе преобладанія въ нихъ идей, составившихъ такъ наз. «вольнодумство», и которыя до сихъ поръ остаются мало извѣстными.

Нужно замѣтить, что Шевченко обязанъ своими научными познаніями главнымъ образомъ писателю Е. П. Гребенкѣ, съ которымъ познакомилъ его Сошенко, близкій другъ его. Гребенка помогъ ему ознакомиться съ исторіей, словесностію, исторіей искусства и другими необходимыми знаніями. Вообще же Шевченко не имѣлъ научнаго образованія, но за то владѣлъ вполне здоровымъ умомъ, который такъ ясно выразился и во всѣхъ его произведеніяхъ.

Пребываніе въ Украинѣ принадлежитъ къ счастливѣйшему времени жизни Шевченка.

Къ произведеніямъ этого времени (1845—1847 гг.), кромѣ «Кавказа», относятся: «Невольникъ», «Сонъ», «Холодный Яръ», «Чигиринъ», «Суботовъ» и «Мое дружное посланіе». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ замѣчательную энергію чувства и смѣлость мысли поэта.

Находясь въ гарнизонѣ Орской крѣпости, онъ написалъ въ 1848 г. прекрасное стихотвореніе «Чернецъ», которое посвятилъ П. А. Кулишѣ. Пришлось жить Шевченку и на азіатскомъ побережьи Каспійскаго моря (въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи), куда едва нѣсколько разъ въ годъ приходилъ русскій корабль. Здѣсь онъ провелъ большую часть назначеннаго ему срока ссылки, оставаясь тамъ до 1857 года въ качествѣ рядоваго. Наконецъ, по ходатайству гр. Ө. Толстаго и его супруги, онъ былъ освобожденъ отъ военной службы и возвращенъ изъ далекой ссылки. Не удалось ему попасть сразу на родину: онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, куда прибылъ послѣ продолжительнаго путешествія и остановокъ, по случаю болѣзни, и гдѣ, наконецъ, былъ радостно встрѣченъ многочисленными друзьями и земляками.

Десятилѣтняя военная служба солдатомъ, прекращеніе всякаго сношенія съ міромъ, съ обществомъ, особенно же недостатокъ духовной пищи, конечно, не могли не оставить своихъ послѣдствій и не повліять на духъ поэта.

Къ послѣднему времени его невольничества относятся стихотворенія «Видьма», «Неофиты», «Москалева крыница».

Весною 1859 года онъ дождался удовольствія видѣть опять свою родную Украину съ ея могилами и услышать родную

пѣснь полную грусти. Онъ посѣтилъ и мѣсто своего рожденія с. Кирилівку, затѣмъ г. Черкасы, гдѣ написалъ прекрасную думку «Сестра», посвященную любимой сестрѣ Иринѣ, наконецъ м. Корсунь, гдѣ прожилъ нѣкоторое время у своего однофамильца Варфоломея Шевченка, женатаго на его родной сестрѣ Екатеринѣ. Главнымъ предметомъ его разговоровъ съ этимъ шуриномъ своимъ было намѣреніе поэта купить небольшой кусокъ земли на берегу Днѣпра и, построивши на немъ хату, поселиться тамъ навсегда. Объ этомъ, а также о желаніи своемъ жениться на простой дѣвушкѣ изъ крестьянъ, онъ велъ съ своимъ шуриномъ и частую переписку по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ, живя въ академіи художествъ, пребываніе свое тамъ считалъ временнымъ. Но не такъ устроила судьба.

Осенью 1860 г. онъ чувствовалъ себя больнымъ и 22-го января 1861 г. писалъ шурину: «плохо начался для меня этотъ новый, несчастный годъ: уже вторую недѣлю не выхожу изъ дому, кашлю и замѣтно слабѣю», а спустя недѣлю извѣщалъ: «мнѣ такъ плохо, что едва владѣю перомъ; слабѣю съ каждымъ днемъ все больше и больше». Въ субботу 25-го февраля были его именины и въ этотъ день онъ лежалъ уже въ постели, вынося ужасныя страданія. Рано утромъ посѣтилъ его г. Лазаревскій и, увидѣвъ эти страданія поэта, немедленно послалъ за докторомъ Вари. Этотъ послѣдній, осмотрѣвъ больного, объявилъ, что водника бросилась въ грудь и что никакія лекарства не принесутъ облегченія больному. Пришедшія въ этотъ день привѣтствія съ родины, поздравленія друзей обрадовали поэта, который, нѣсколько поспокойвшись, говорилъ еще въ этотъ день о томъ, какъ онъ поѣдетъ на родину и тамъ совсѣмъ поправится. На слѣдующій день, поднявшись отъ жестокихъ мученій съ постели слишкомъ рано, онъ попросилъ было, чтобы его свели въ его мастерскую, но при этомъ упалъ и — въ 5½ часовъ утра поэта не стало: онъ скончался. Быстро распространилась печальная вѣсть о смерти поэта и вызвала у всѣхъ земляковъ его искреннюю, глубокую скорбь.

Похороны его совершились 28-го февраля, при чемъ произнесено было надъ его гробомъ не мало душевныхъ рѣчей; а весной тѣло его перевезено было изъ Петербурга, согласно его желанію, въ Украину, гдѣ и похоронено на высокомъ берегу Днѣпра вблизи г. Канева.

(Václav Dunder. «Osvěta» 1872 г.)

Французъ Emille Durand о Т. Г. Шевченкѣ.

Съ начала семидесятыхъ годовъ начало проявляться во Франціи особенное вниманіе къ исторіи, этнографіи и словесности малорусской. Въ замѣчательныя изданія наши по этимъ отраслямъ находили себя во Франціи самые симпатичные отзывы, основанные на весьма внимательномъ изученіи этихъ изданій, о которыхъ давался довольно подробный отчетъ въ самыхъ распространенныхъ журналахъ.

Это вниманіе усилилось со времени археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ, лѣтомъ 1873 года. Французъ Рамбо, присутствовавшій на этомъ съѣздѣ, написалъ въ журналѣ *Revue étiquie* весьма обстоятельную статью о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ.

Въ «*Revue des deux mondes*», 15 Juin 1876 an., помѣщена статья Emille Durand'a: «Le poète national de la Petite Russie Chevtchenko», съ которою я и намѣренъ познакомить читателей. Въ предисловіи авторъ опредѣляетъ настоящее положеніе Малороссіи и ея языка въ государствѣ, при чемъ дѣлаетъ такое заключеніе, что Малороссія, съ точки зрѣнія языка и словесности, относительно Великороссіи есть то же, что Провансъ по отношенію къ Франціи. Въ первой главѣ г. Durand даетъ общій взглядъ на прошлое Украины, послужившее содержаніемъ богатаго эпоса. «У всѣхъ европейскихъ народовъ, говоритъ онъ, героическій періодъ слишкомъ далекъ отъ насъ; въ Великороссіи онъ восходитъ къ послѣднимъ временамъ язычества; въ Украинѣ же, напротивъ, очень недавнія событія такъ сильно подѣйствовали на воображеніе народа, что изгладили всякое воспоминаніе о предшествовавшихъ вѣкахъ. Героическій періодъ Украины, говоря точно, не восходитъ дальше XVI вѣка и продолжался онъ до половины слѣдующаго столѣтія. Въ теченіи двухъ вѣковъ былъ въ Украинѣ всегда свѣжій источникъ вдохновенія. Современники Шевченка могли еще полными руками

53/29
Т4

черпать изъ преданій стариковъ». Затѣмъ авторъ даетъ бѣглый очеркъ исторіи Украины, въ общемъ вполне вѣрный, при чемъ въ концѣ его указываетъ на то просвѣтительное вліяніе юга на сѣверъ, которое стало обнаруживаться со времени присоединенія Малороссіи къ Москвѣ. Указавши затѣмъ на значеніе эмансипаціи крестьянъ, Durand говоритъ: «Дѣйствительный настоящій характеръ малоросса нужно искать въ его интимной жизни и въ его поэзіи: здѣсь именно онъ высказался весь, здѣсь онъ могъ развить почти свободно свои способности. Извѣстное число писателей воздали честь языку своей родной страны. Среди нихъ Шевченко блистаетъ въ первомъ ряду, какъ по своему генію, такъ и по своей большой популярности, а также, къ несчастью, и по тѣмъ испытаніямъ, которыя сдѣлали изъ жизни его печальный, грустный романъ. Эта жизнь заслуживаетъ того, чтобы рассказать о ней подробно». И затѣмъ авторъ посвящаетъ всю вторую главу статьи своей біографіи поэта.

Біографія написана очень живо и обнаруживаетъ знакомство со всѣми имѣющимися для нея матеріалами. Мы не будемъ, конечно, останавливаться на ней—такъ какъ имѣемъ въ виду передать лишь сужденія о поэзіи Шевченка и о значеніи его, какъ поэта, но приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ нея, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе. «Многіе воображаютъ, говоритъ Durand, что въ области искусства или литературы дѣйствительный талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу. Однако исторія доказываетъ, что въ продолженіе долгихъ періодовъ геній отказывается развиваться, подобно зерну, брошенному въ бесплодную почву; между тѣмъ, какъ извѣстный вѣкъ представляетъ ту совокупность невѣдомыхъ условій, которая даетъ поэтическому генію болѣе или менѣе полное развитіе. Какаго-же это совокупность условій? Никто не сумѣлъ бы отвѣтить на это положительнымъ образомъ, хотя высокіе умы искали уже общаго рѣшенія этой задачи. Процессъ рѣшенія болѣе скромный и болѣе научный состоялъ бы въ томъ, чтобы брать вопросъ послѣдовательно съ разныхъ сторонъ, рассматривая его частные случаи. Г. Викторъ Шербюль въ своемъ Prince Vitale ясно показалъ, какъ образцовое произведеніе Тассо чуть было не истреблено и какъ умъ поэта падалъ подъ постояннымъ давленіемъ католическаго духовенства, которое становилось тѣмъ болѣе требовательнымъ, чѣмъ сильнѣе чувствовало, что новый духъ ускользаетъ изъ подъ его вліянія.

Біографія Шевченка показываетъ намъ, что рабство со своими матеріальными условіями есть самое энергическое разрушительное средство (относительно развитія таланта): оно не доводится, какъ другія власти, преслѣдованіемъ талантовъ уже развившихся, произведеній уже написанныхъ; оно уничтожаетъ незамѣтно геніевъ въ ихъ зародышѣ, отнимая у нихъ всякую возможность развитія.

Сколько случайностей понадобилось, напр., чтобы Т. Шевченко сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Предположите, что его господину не пришла бы фантазія сдѣлать его казачкомъ; предположите, что этотъ господинъ былъ бы по характеру домохозяиномъ и не имѣлъ бы необходимости ѣхать и основаться въ Петербургъ; предположите, наконецъ, что будущій поэтъ не началъ бы пробой извѣстной способности къ живописи. Если бы всѣ эти обстоятельства и много другихъ, чисто случайныхъ, не соединились бы, то можно держать сто противъ одного, что національный поэтъ Малороссіи жилъ бы и умеръ въ совершенной неизвестности, какимъ-либо лакеемъ или поваромъ провинціального помѣщика. Можно даже утверждать, что чувство личнаго достоинства, которое въ немъ было очень живо съ самаго юнаго возраста, сдѣлало бы его неизбежно протестантомъ противъ этого положенія, которое было недостойно его, и пророчество его отца на смертномъ одрѣ оправдалось бы въ другомъ смыслѣ: онъ бы сталъ очень большимъ негодяемъ».

Выписавъ заключительныя строки *) извѣстнаго письма Шевченка къ издателю «Народнаго чтенія», гдѣ поэтъ коротко изложилъ свою автобіографію, Durand говоритъ: «всѣ высоконпарныя фразы на свѣтѣ были бы менѣе краснорѣчивы, чѣмъ это простое заявленіе факта, заканчивающееся безъ всякаго перехода банальною формулой, обыкновенно заканчивающею всѣ письма. Догадываешься, что онъ остановился здѣсь, не имѣя

*) Вотъ эти строки: «Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разсказѣ въ угожденіе Вамъ, правду сказать, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! И что я купилъ у судьбы своими усиліями—не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно, оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ было тяжело вспомнить въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, м.г., они крѣпостные до сихъ поръ!

Примите увѣреніе и проч.».

сказать ничего больше, съ стѣсненною грудью и глазами, полными слезъ, и что онъ грубо бросилъ свою подпись подъ этими строками, чтобы положить конецъ заданной работѣ, слишкомъ для него тяжелой».

Лучшая часть произведений поэта, или по крайней мѣрѣ самая человѣческая, самая легкая для перевода на всѣ языки, была ему внушена этимъ именно чувствомъ глубокой жалости къ слабымъ и угнетеннымъ. Его политическія стремленія не имѣли другого источника. Мечтая видѣть Украину славной, онъ строилъ планы идеальной федераціи всѣхъ славянскихъ земель, не выключая при этомъ и Россіи изъ этой федераціи. Сколько переворотовъ, сколько вѣковъ понадобится, прежде чѣмъ подобная мечта станетъ не то что дѣйствительностью, а простою возможностью!»

Изложивши обстоятельно біографію Шевченка, Durand переходитъ затѣмъ къ обзорѣню его поэзіи, чему и посвящаетъ третью главу своей статьи. Съ этою то главой, главнымъ образомъ, я и желалъ бы познакомить читателей, а потому и привожу ее почти цѣликомъ.

Т. Г. Шевченко, какъ мы уже замѣтили, не былъ хорошо образованъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, вращаясь въ избранномъ кружкѣ литераторовъ, читая русскіе журналы и употребляя всѣ усилія, чтобы вознаградить пот ерянное время онъ успѣлъ стать въ уровень съ новыми идеями; но пробѣловъ въ его образованіи оставалось все-таки очень много. Къ счастью, онъ имѣлъ за собой одно качество, замѣняющее часто изученіе: онъ слишкомъ живо чувствовалъ и лирическая струнка звучала въ немъ при малѣйшемъ толчкѣ. Нѣкоторые воспоминанія дѣтства, нѣсколько рассказовъ стариковъ было достаточно, чтобы внушить ему героическія поэмы, совершенно аналогичныя съ тѣми поэмами кобзарей, гдѣ подвиги народныхъ героев его родины воспѣты съ необыкновенной силой и блескомъ. Такова одна изъ первыхъ его поэмъ «Гамалія», изъ которой мы и приведемъ нѣсколько стиховъ, чтобы дать понятіе о характерѣ его вдохновенія. Она начинается жалобой казаковъ, которые, сидя плѣнниками въ Скутари, спрашиваютъ вѣтеръ изъ Украины и синее море, скоро ли придутъ братья освободить ихъ изъ неволи (здѣсь слѣдуетъ весьма удачный переводъ стиховъ Шевченки). Поэтъ описываетъ затѣмъ, какъ казаки покрыва-

ваютъ Дибиръ своими легкими челнами, отправляясь подъ начальствомъ Гамаліи на освобожденіе своихъ братьевъ. Турецкій городъ зажженъ, плѣнные освобождены. И весь этотъ разсказъ, живой, энергическій, кажется звуками наступательнаго марша.

Шевченко имѣлъ не одну фигуру настоящаго казака—онъ имѣлъ также его душу. Его талантъ высказывается еще ярче въ большой поэмѣ «Гайдамаки». Главный герой этой рѣзни, Гонта, атаманъ гайдамаковъ, женатъ на полькѣ и имѣетъ отъ нея двоихъ дѣтей. Пока онъ топить въ волнахъ крови свою ненависть къ жидамъ и католикамъ, гайдамаки находятъ въ іезуитскомъ монастырѣ, который они только что ограбили, двухъ сыновей своего атамана. Толпа приводитъ ихъ къ нему: «Зарижь и ихъ; воны католики.

Чого жъ ти ставъ? Чомъ не рижешъ?

Поки не велики,

Зарижь и ихъ, бо виростуть,

То тебе зарижуть.

Гонта, вѣрный своей страшной клятвѣ, убиваетъ обоихъ сыновей своей собственной рукою....

При заревѣ сожженаго казаками пожара, начинается оживленный праздникъ; гайдамаки торжествуютъ побѣду, и нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что можетъ оживить эту оргію: тутъ и бочки вина, и танцы, и пѣсни кобзарей. Только Гонты не видно. Во мракѣ ночи блуждаетъ онъ между трупами и ищетъ дѣтей своихъ, чтобы вырыть имъ могилу собственными руками и похоронить ихъ.

Поэтъ здѣсь нашелъ средство ввести человѣческую ноту среди этихъ поражающихъ ужасовъ. Одинъ изъ друзей Шевченка говорилъ шути о немъ: «это боровъ, въ которомъ поэтъ малиновка», и это фактъ, что въ своихъ произведеніяхъ онъ всегда представляетъ соединеніе нѣжности и суровости. Его жалость къ слабымъ переходила въ припадки гнѣва, и когда, напр., заходилъ разговоръ о крѣпостничествѣ, возбужденіе его не знало границъ; большихъ трудовъ стоило успокоить его. Вообще совокупность его произведений прекрасно характеризуетъ его самого. Онъ смотрѣлъ серьезно на свое призваніе, и поэзія была для него формой соціальной проповѣди.

«Въ своихъ произведеніяхъ поэтъ довольно часто обраща-

ется къ судьбѣ молодыхъ крестьянокъ, соблазненныхъ людьми другаго, чуждаго имъ класса. Въ этомъ случаѣ однообразіе темы выкупается неисчерпаемымъ богатствомъ фантазій. (Дальше слѣдуетъ изложеніе содержанія двухъ поэмъ Шевченка: «Катерины» и «Наймички»).

«Напрасно бы искали мы здѣсь страстныхъ порывовъ лиризма, мелодраматической декламации,—но все же эти небольшія поэмы — поражающая драма, которая при чтеніи ея въ оригиналѣ производитъ впечатлѣніе сильное и глубокое. Это потому, что выполненіе въ полномъ согласіи съ основною идеей произведенія, и что эта основная идея сама по себѣ есть находка гения.

«Кромѣ небольшихъ поэмъ, Шевченко написалъ массу мелкихъ стихотвореній, которыя проходятъ, такъ сказать, всю гамму чувствъ, волнующихъ крестьянъ, а потому легко запоминаются и переходятъ въ народъ. Какъ примѣръ и, можно сказать, какъ типъ этого рода пѣсенъ, мы можемъ привести одну пѣсню, въ которой выражается жалоба дѣвушки, не нашедшей въ жизни счастья, на свою долю. Въ пѣсняхъ малорусскихъ, какъ и въ дѣйствительной жизни, эта доля—вещь, которую долго ищутъ и рѣдко находятъ (Здѣсь приводится извѣстная пѣсня: «На що мені чорні брови, на що карі очі»).

Что касается до небольшихъ чисто эпическихъ произведеній Шевченка, то почти всѣ онѣ написаны имъ въ первые годы своего изгнанія. Въ изгнаніи этомъ, онъ возсоздавалъ въ своемъ воображеніи прекрасную Украину съ ея широкими степями, усеянными курганами, съ ея садами, полными цвѣтовъ, съ дѣвушками, влетающими въ свои волосы живые цвѣты, съ чистенькими бѣлыми домиками. Онъ грезилъ о своей прекрасной странѣ, гдѣ въ тихія лѣтнія ночи люди сидятъ на чистомъ воздухѣ на прысыбахъ, окружающихъ хаты. Думая о своей родинѣ, онъ вновь испытывалъ впечатлѣніе этой ясной тишины родныхъ селъ, что онъ и передалъ въ небольшомъ прекрасномъ стихотвореніи «Вечір».

Въ письмѣ къ издателю сочиненій Шевченка (въ Прагѣ) И. С. Тургеневъ такъ говоритъ о впечатлѣніи, которое произвелъ на него нашъ поэтъ: «собственно поэтической элементъ въ немъ проявлялся рѣдко: Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленного и обтерпѣвагося чело-
вѣка съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу,

съ непродолжительными просвѣтами добродушія и веселости. Юмора, «жарта» — въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе «Вечір» (Сады вишневыя коло хати и т. д.) — и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей: вся южно-русская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность». Сочиненіе, которое такъ преобразуетъ автора, не можетъ быть вещью ординарною; но какъ передать въ обыкновенной прозѣ эти жизненные мимолетныя впечатлѣнія? Gérard de Nerval, извѣстный знатокъ стила, говорилъ презрительно по поводу своихъ переводовъ сочиненій Генриха Гейне: «c'est du clair de lune empaillé». Чтобы дать нѣкоторое понятіе о способѣ выраженія Шевченка, мы думаемъ, что стоитъ привести здѣсь приблизительно буквальный переводъ одной изъ его поэмъ (Слѣдуетъ переводъ «Черницы Марьяны»).

Эта простая исторія любви, которая случалась тысячи разъ во все времена, во всѣхъ странахъ, эти размышленія кобзари, который прерываетъ свой разсказъ, чтобы высказать наставленіе своимъ слушательницамъ, или чтобы растрогаться самому при воспоминаніи о своей минувшей молодости,—все это исполнено высокой поэзіи. Быть можетъ, красоты героическихъ поэмъ, о которыхъ мы упоминали, болѣе возвышенны: въ нихъ поэтъ паритъ въ сферѣ высокаго вдохновенія, но если бы предположить, что всѣ сочиненія Шевченка исчезли и одному лишь изъ нихъ суждено остаться, то мы бы не ошиблись, если бы пожелали, чтобы этимъ однимъ была поэма «Марьяна», какъ наиболѣе вѣрная картина и въ высшей степени привлекательный образецъ мало-русской поэзіи.

«Этимъ закончимъ мы этюдъ свой и рядъ выписокъ, которыхъ вполне достаточно, чтобы доказать, что Тарасъ Шевченко, если и не имѣетъ того значенія, какое ему приписываютъ нѣкоторые изъ его почитателей-земляковъ, тѣмъ не менѣе достаточно великій поэтъ для того, чтобы слава его перешла границы его родины и распространилась по Европѣ».

Нѣмецъ Frantzos о Т. Г. Шевченкѣ.

(«Vom Don zur Donaa» Cultur-Bilder aus Halb-Asien 1878 г.).

Въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, есть одна глава, посвященная малороссіянамъ: «Kleirussen und ihre Dichter». Въ ней мы находимъ въ высшей степени симпатичный отзывъ о Т. Г. Шевченкѣ. Читая этотъ живой и весьма обстоятельный очеркъ, написанный нѣмцемъ (кажется даже евреемъ), мы испытали то непріятное чувство, которое понятно должно быть каждому земляку, кто только припомнитъ и слова древняго лѣтописца: «не хвалю намъ у нѣмцевъ правды искати», и слова новаго нашего любимаго писателя: «гдѣ намъ то знать, чего еще ни одинъ нѣмецъ въ книгу не вписалъ (Тургеневъ), и наконецъ стихи самого Тараса.

... Колысь будемъ
И по своему глаголатъ,
Якъ нѣмецъ покаже,
А до того й исторію
Намъ нашу роскаже.

Но воздержимся отъ лирическихъ отступленій, которыми горю не пособишь, и послушаемъ, что рассказываетъ нѣмецъ своей нѣмецкой публикѣ о нашемъ народномъ поэтѣ.

Представивъ сначала краткій, но живой очеркъ историческихъ судебъ малорусскаго племени, нарисовавши картину его настоящаго положенія, авторъ, переходя къ характеристикѣ народнаго поэтическаго творчества, говоритъ: «долго занимаясь переводами украинскихъ пѣсень и будучи хорошо знакомъ съ ними, я безпрестанно, переглядывая новые сборники, вновь восхищаюсь и удивляюсь. Уже одинъ эти пѣсни показываютъ, къ какой поэтической силѣ способна душа этого народа; искусственная же поэзія малороссовъ—дальнѣйшее тому доказательство: корни ея лежатъ въ народной пѣснѣ, на которую

она опирается, сохраняетъ ея цѣломудренную силу и глубину, но присоединяетъ еще талантъ композиціи, даръ изображенія, очарованіе большаго и своеобразнаго индивидуализма. Многие малороссы заявили себя прекрасными поэтами. Правда, не все они писали языкомъ своего народа, напротивъ, къ сожалѣнію, очень немногіе. И это не должно поражать: поэты молчатъ не любя, они хотятъ показать себя обществу». Затѣмъ Frantzos вспоминаетъ малороссіанъ, писавшихъ по-русски (Гоголь, Данилевскій и др.) и по-польски (Чайковскій, Падура, Залѣскій и др.); далѣе останавливается на именахъ Кулиша, Квитки и другихъ писателей, писавшихъ по-малорусски, и наконецъ переходитъ къ Т. Г. Шевченку, которому и посвящена большая часть главы. Эту-то часть я и передамъ, на сколько это возможно, словами самого автора.

Шевченко въ высшей степени оригиналенъ и если та или другая черта его поэтической фیزیоміи можетъ быть освѣщена сравненіемъ его съ поэтами другихъ народовъ, то этимъ путемъ все-таки невозможно воспроизвести его цѣльный и вѣрный образъ.

Разсматривая содержаніе обоихъ томовъ «Кобзаря», лембергскаго изданія 1866 года, можно различить тамъ 4 отдѣла: лирика тенденціозная (политическая), идиллическая лирика (описанія природы, любовныя пѣсни), картины социальнаго народнаго быта и историческій эпосъ. Уже это одно указываетъ на разносторонность таланта. Взвѣсивъ только поэтическое достоинство этихъ группъ, приходишь къ результату, весьма рѣдкому вообще въ литературѣ: всѣ 4 группы произведеній Шевченка — равнаго достоинства, и ни одну изъ нихъ нельзя поставить выше другой. Мы должны одинаково дивиться и пѣвцу свободы, и эпика, и пѣвцу любви, и поэту, сумѣвшему въ художественныхъ рамкахъ изобразить разнообразныя социальныя отношенія. Для всѣхъ этихъ видовъ поэзіи нужны настолькоъ разнородныя дарованія, что они едва могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ: они противоположны другъ другу, одно возвышаетъ другое, или же взаимно исключается.

Глубина чувства, абсолютная наивность, наконецъ способность во всемъ, что для другихъ нѣмо и мертво, подслушать тайный звукъ, чарующую музыку, — все это вмѣстѣ создаетъ

превосходнаго лирика. Чѣмъ скрытнѣе и свободнѣе совершается этотъ процессъ, тѣмъ прекраснѣе пѣсня; здѣсь не поэтъ властвуетъ надъ предметомъ, а наоборотъ.

Совершенно иное дѣло—тенденціозное творчество! Тутъ вмѣстѣ дѣйствуетъ и убѣжденіе, и опредѣленный фактический разсказъ; тутъ душа поэта уже болѣе не арфа, на которой играть только чувство. Часто на ней играетъ одинъ разумъ и даже столько, сколько ему угодно; отсюда такъ часто въ этомъ родѣ произведеній господствуетъ просто рѣмованная проза.

Не случайность, что лучший политическій поэтъ Германія Георгъ Гервегъ сочинилъ только одно хорошее нетенденціозное стихотвореніе, не случайность, что великій лирикъ съ большимъ трудомъ едва сочинилъ холодное аллегорическое стихотвореніе, когда ему нужно было создать «политическую пѣсню». Подумайте-же сначала, на сколько противоположны таланты лирика и эпика: что для одного—прекрасное украшеніе, для другаго—вредный балластъ; одинъ долженъ хранить глубочайшій субъективизмъ, другой—самую высокую объективность. А потому по пальцамъ можно перечестъ поэтовъ, равно великихъ въ лирикѣ и въ эпосѣ. Изображеніе бытовыхъ народныхъ картинъ требуетъ также своеобразнаго, рѣзко очерченнаго таланта. Поэтому, читая оба названные тома Шевченка, понимающій законы эстетики испытываетъ такое-же чистое наслажденіе, какъ и удивленіе. Передъ нами поэтъ, который соединяетъ въ себѣ всѣ эти антитезы — и притомъ какъ полно! Вотъ одинъ примѣръ.

Шевченко истинный лирикъ, но, читая его «Гайдамаки», вы находите произведеніе, полное жизни и движенія, полное пластическихъ образовъ, спокойное и величественное, безъ всякаго субъективнаго чувства, непрерываемое никакими лирическими отступленіями. И какъ легко соединяетъ онъ эти противоположныя качества!

Универсальность таланта Шевченка есть такимъ образомъ первый результатъ, къ которому мы приходимъ изъ этого разсмотрѣнія. Въ тѣхъ же родахъ поэзіи вращается и пѣсня его народа, и Шевченко такимъ образомъ столь же разностороненъ, какъ эта народная пѣсня. Это указаніе открываетъ намъ основную точку его индивидуальности.

Его муза ни болѣе, ни менѣе, какъ воплощеніе, объединеніе всѣхъ поэтическихъ стремленій народной души. Въ теченіи

нѣ долгихъ вѣковъ появлялись въ этомъ народѣ единичные безвѣстные поэты, которые то пѣсню любви, то какой нибудь «думой», а иногда картиною жизни народной или ослушной пѣсню противъ притѣснителей пополняли поэтическую сокровищницу малороссовъ. Въ Шевченкѣ является для Малороссіи гений, понявшій все, что высказывали всѣ эти безвѣстные — пѣвцы, влитые вмѣстѣ. Подобно имъ, онъ только далъ выраженіе всему тому, что лежало въ народной душѣ; подобно имъ онъ зналъ только одно стремленіе—заставить говорить эту нѣмую душу. Шевченко сдѣлалъ это, и въ томъ его величіе и тайна его разносторонности. Много значитъ его безконечно глубокий и богатый талантъ, но еще болѣе значенія имѣетъ то, что онъ въ высшей степени народенъ. Потому-то онъ и могъ все, чего хотѣлъ, инстинктивно не хотѣлъ ничего того, чего не могъ. Онъ въ своей поэзіи не вышелъ ни изъ круга предметовъ, ни изъ мелодіи народной пѣсни. Поэтъ такой необыкновенной наивности не былъ бы въ настоящее время ни у одного изъ западныхъ народовъ, какъ немыслимъ былъ бы онъ у какого нибудь восточнаго народа, менѣе способнаго къ пѣснямъ и менѣе любящаго ихъ, чѣмъ малороссы. Одинъ изъ его товарищей-народниковъ называлъ его «безсмертнымъ кобзаремъ». Это его лучшая характеристика. Тѣломъ и духомъ онъ изъ тѣхъ пѣвцовъ, которые ходили по Украинѣ изъ деревни въ деревню и подъ звуки «кобзы» пѣли пѣсни, имѣя отъ кого-нибудь слышанныя, или частію самими ими сочиненныя. Когда критика, подъ вліяніемъ національнаго предубѣжденія, вооружается противъ этого «мужицкаго» поэта, упрекая его въ томъ, что его пѣсни звучатъ, какъ пастушескія или кабацкія, — едва-ли она предполагаетъ, какъ тѣмъ самымъ, противъ воли своей, высоко ставитъ она этого пѣвца.

Шевченко творилъ изъ народа и для народа; отсюда сходство его пѣсенъ съ народными. При ихъ возникновеніи въ груди одного человѣка совершался тотъ самый процессъ, который сложилъ нѣкогда въ груди цѣлаго народа многія его пѣсни, да складывается ихъ и теперь. Только такимъ образомъ и освѣщается тотъ замѣчательный фактъ, которому подобнаго по интенсивности другаго я не знаю, — фактъ, что образованный человѣкъ, поэтъ, творить чисто народные пѣсни. О намѣ-

ренномъ подражаніи тутъ мы не должны и думать. Во многомъ можно лицемѣрить безнаказанно, только не въ наивности.

Облагороженная и болѣе глубокая народная поэзія—такъ попытался я выше характеризовать творчество Шевченка. Это нужно уяснить хорошо, иначе я легко могу быть ложно понятъ. Народныя пѣсни этого кобзаря можно легко отличить отъ другихъ. Шевченко, въ противоположность народной пѣснѣ, позволяетъ себѣ свободу формы только тамъ, гдѣ онъ не желаетъ достигнуть опредѣленнаго эффекта. Въ языкѣ и образѣ выраженія видна выше и богаче одаренная природа, но отнюдь не ученый и даже не особенно образованный человѣкъ.

Шевченко сохраняетъ вполне простоту и силу кореннаго народнаго языка, но болѣе глубокий духъ, возвышенное сердце проявляется иначе, чѣмъ въ массѣ. А такъ какъ онъ гений, то кругъ его впечатлѣній богаче и шире, его знаніе человѣческаго сердца и основательнѣе, и онъ богаче оттѣнками. И къ тому прибавляется наконецъ,—я привожу это послѣднимъ, но вовсе не какъ наименьшее достоинство, — *искусство замысла*, именно въ эпосѣ и соціальныхъ, бытовыхъ картинахъ.

Уже изъ сказаннаго легко заключить, что въ лирическихъ тенденціи лирическихъ стихотвореній Шевченко ближе всего къ народной пѣснѣ. Въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ воспѣваетъ красоту милой, веселье танца, жажду славы и военныхъ подвиговъ,—тамъ можетъ легко обмануться и опытный знатокъ народныхъ пѣсней, такъ велика пѣвучесть выраженія, полная народность чувства. Правда, что при этомъ звучатъ такіе тоны, которые можетъ создать только совершенно необыкновенный «кобзарь». Таковы пѣсни, въ которыхъ изображается красота степей. Кто хоть разъ былъ въ степи, гдѣ ни звука, кромѣ шептанья вѣтра въ высокой травѣ, ни движенія вокругъ, кромѣ бѣгущихъ тѣней облаковъ, гдѣ небесный сводъ—одна граница взору,—тотъ испыталъ очарованіе, почувствовалъ, заглянувъ въ свою душу, какъ вся скорбь его жизни ушла отъ него. Шевченко нашелъ для этого загадочнаго, глубоко внутренняго чувства такое поразительное, такое простое выраженіе, что достаточно уже этихъ немногихъ строкъ, чтобы дать ему эпигетъ великаго лирика. А трогательныя пѣсни, въ которыхъ онъ жалуется на судьбу?... Да и кто имѣетъ больше права на жалобу, какъ не этотъ несчастный человѣкъ?! — Мы видимъ

цѣлое море одинокаго страданія, но не слезы, а перлы даетъ намъ поэтъ;—отъ своего личнаго горя онъ обращается къ несчастіямъ всего человѣчества и вмѣсто того, чтобы требовать состраданія отъ другихъ, онъ самъ даетъ его—и какъ нѣжно, какъ глубоко!...

Близость къ народной пѣснѣ сказывается также въ его тенденціозныхъ произведеніяхъ, въ пѣсняхъ мести и свободы. Рядомъ съ горячими проклятіями, рядомъ съ жалобами о потерянномъ величіи,—о чемъ пѣлось въ теченіе вѣковъ въ народныхъ пѣсняхъ,—встрѣчаются у Шевченка стихотворенія, которые по своей самобытной силѣ, высотѣ основной точки зрѣнія, далеко возвышаются надъ такими-же «народными думами», сохраняя первобытную свѣжесть и простоту этихъ послѣднихъ. Таковы: ода «до Основьяненка», поэмы «Янъ Гусъ», «Кавказъ», «Невольникъ», «Сонъ», «Холодный Яръ» наконецъ стихотвореніе «Посланіе до живихъ и мертвихъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ». Говорить о поэтическихъ достоинствахъ этой группы значило бы только повторять мое обыкновенное удивленіе передъ поэтомъ, сумѣвшимъ совмѣстить такія разнообразныя темы. Въ этихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ вы не найдете *фразы*: она вполне чужда Шевченку. Даже отвлеченныя идеи выражены имъ истинно поэтически, индивидуализированы великимъ искусствомъ и силой. Патриотизмъ Шевченка неизмѣнно остался вѣренъ самому себѣ, но пути его были въ разное время различны. Въ молодости онъ страстно хотѣлъ вернуть потерянное величіе, не задаваясь мыслью о возможности. Дальше, стало казаться ему, что матеріальныя бѣдствія народа—самое важное зло, первымъ слѣдствіемъ чего является умственный мракъ, тяготящій надъ нимъ. И съ этихъ поръ онъ неустанно сталъ будить спящихъ и укрѣплять бодрствующихъ.

Тутъ же цѣль преслѣдуютъ и общественныя, бытовые картины. Это—реальныя изображенія жизни крестьянъ и ихъ господъ, небольшіе деревенскіе рассказы въ стихахъ. Раньше уже сказано, что поэтъ нашелъ себѣ тутъ родственныя формы въ народной пѣснѣ; но какъ онъ возвысилъ ее, какъ постигъ! Что тамъ служитъ для неискуснаго изображенія даннаго жизненнаго случая, то у него обращается въ пластическіе образы отношеній и судебъ. Эти образы, такъ сказать, бьются постоянно въ

одну главную точку, иногда даже вопреки романтическим красотамъ. Даже Іеремія Готгельфъ не такъ хорошо знаетъ своихъ швейцарскихъ крестьянъ, какъ Шевченко своихъ малороссовъ; здѣсь высказывается народная душа, какъ во всей своей лучезарной высотѣ, такъ и во всѣхъ самыхъ мрачныхъ безднахъ своихъ. Каждая мелочь взята изъ жизни, обособлена и представлена съ виртуозной ловкостью во всей своей полнотѣ. Тенденція нигдѣ не выступаетъ навязчиво, но нигдѣ и не измѣняетъ себя. Шевченко имѣетъ двойную цѣль: онъ хочетъ держать передъ народомъ зеркало, отражающее нравственность и безнравственность и, далѣе, представить то страданіе, которое паны причиняютъ народу. «Въ стихахъ этого рода, говоритъ одинъ глубоко чувствующій критикъ Шевченка, поэтъ заставляетъ насъ заглянуть въ моральную пропасть, отъ которой мы невольно отворачиваемся: онъ раскрываетъ передъ нашими глазами всѣ соціальныя пороки, не переступая, однако, границъ эстетики. Драгоцѣнны эти безыскусственные идиаллы, эти тщательно-обработанныя бытовые картины, на которыхъ покоится «Loggion'cher Duft», и все такъ просто, такъ скромно, вопреки тенденціи, которую кладетъ въ основаніе поэтъ».

Къ этой превосходной характеристикѣ намъ нечего болѣе прибавить, кромѣ того факта, что поэтъ щадитъ такъ-же мало недостатки крестьянъ, какъ и пороки господъ. Для обоихъ случаевъ я приведу здѣсь образцы, содержаніе которыхъ передамъ, конечно, лишь въ сжатомъ и сухомъ видѣ (Здѣсь Франко передаетъ содержаніе баллады «Утоплена» и «Лилія»). Эти романсы по тону и содержанію имѣютъ много общаго съ историческими пѣснями малороссовъ, прекрасно намъ переведенными Боденштедтомъ. Но у Шевченка лирический элементъ отходитъ передъ эпическимъ на болѣе далекій планъ чѣмъ въ народной пѣснѣ. И тогда какъ эта послѣдняя въ своемъ простодушіи приписываетъ всѣ великія дѣла своимъ мучимымъ героямъ, — поэтъ строго придерживается исторіи.

Но съ наибольшей силой высказывается значеніе Шевченка, какъ эпического поэта, въ его величайшемъ произведеніи «Гайдамаки». Стихотвореніе, которое по великолѣпію и силѣ выраженія представляетъ величайшее произведеніе и, за исключеніемъ эпоса Мицкевича, не имѣетъ себѣ ни одного достойнаго со-

перника въ славянскихъ литературахъ, — «Гайдамаки» изображаютъ послѣдній кровавый и пламенный протестъ малорусскаго народа, казацкое возстаніе Гонты 1770 года. Поляки въ теченіи столѣтія заливали Украину потоками крови и слезъ; во всей исторіи мало примѣровъ такой ужасной тираніи, какую производила Польша надъ безоружнымъ земледѣльческимъ народомъ. Украина терпѣла молча, пока, наконецъ, одна мѣра не довела ее до отчаянія: насильственная католизація. Православные священники были прогнаны, православныя церкви закрыты, и ключи отъ нихъ поляки за высокую цѣну отдали евреямъ на откупъ. Когда крестьяне хотѣли молиться въ своихъ церквахъ, они за деньги должны были брать у откупщиковъ ключи на нѣсколько часовъ, — удовольствіе, которое, слѣдовательно, бѣдники могли себѣ доставить только въ самые большіе праздники. Этого они не снесли и позвали на помощь своихъ родичей, запорожскихъ казаковъ. Подъ предводительствомъ украинца Гонты, храбраго и сильнаго человѣка, казаки проникли въ глубь страны и учинили надъ поляками и жидами кровавую баню, особенно въ Уманскомъ уѣздѣ. Польское правительство оказалось безоружнымъ; дворянское ополченіе, призванное имъ на помощь, растерялось; сила казаковъ росла. Тогда русское правительство, увидѣвъ и свои границы въ опасности, приняло участіе въ этомъ дѣлѣ. Маршалъ Румянцевъ запретилъ Гонтѣ бунтъ противъ Польши, заманилъ и Гонту, и его эсаула въ засаду и выдалъ ихъ полякамъ. «Вся масса, рассказываетъ вполнѣ безпристрастный очевидецъ, нѣмецъ Гиммардъ, простиралась выше 8000 человѣкъ, которые, какъ стадо, раздѣлены были по польскимъ городамъ, мѣстечкамъ и судимы по произволу. Гонта и знатнѣйшіе предводители были казнены близъ Могилева на Днѣстрѣ: ихъ четвертовали, а число тѣхъ, чья участь предоставлена была на милость воеводы Потоцкаго, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ: они были задушены подъ досками, или повѣшены на деревьяхъ и такимъ возможно болѣе экономическимъ образомъ истреблены. Человѣческое чувство содрогается при видѣ разнообразія мученій, придуманныхъ произволомъ и местью, но оно также ужасается безчувственностью и лѣнью польской аристократіи, которая вмѣсто того, чтобы выставить на границы войско въ 2000 — 3000, охотнѣе предоставила и границы, и мирныхъ гражданъ ихъ собственной защитѣ». Это

кровавое событіе составляет содержание «Гайдамакъ». И если что нибудь можно возразить, такъ это развѣ то, что для эпоса здѣсь слишкомъ много ужаснаго лежитъ въ основаніи. Но съ поразительнымъ искусствомъ поэтъ сумѣлъ удержать изображеніе этихъ ужасовъ въ границахъ эстетики. Его основная точка зрѣнія вездѣ одинаково человѣчна, при всей любви его къ своему народу; не выступая съ субъективной оцѣнкой явно, онъ даетъ замѣтить, какъ мало одобряетъ жестокость Гонты. «Поэтъ долженъ быть безпристрастенъ, какъ сама судьба». Это требованіе Шевченко понялъ и выполнилъ. Кровавыми шагами проходить судьба во всемъ твореніи: мы видимъ, какъ угнетеніе рождаетъ ненависть, ненависть — мщеніе; мы видимъ, какъ чувство мести дѣлаетъ безчеловѣчными самыхъ угнетенныхъ, и наконецъ приходитъ снова расплата, которая еще страстнѣе, еще ужаснѣе, чѣмъ нанесенное оскорбленіе.

Я долженъ отказаться, разбирать ближе содержание «Гайдамакъ» и добавлю только, что въ этой поэмѣ казацкое возстаніе образуетъ то мощное основаніе, на которомъ подымается полная жизни судьба любящей пары—Яремы и Оксаны.

«Моя задача выполнена. Значеніе Шевченка, какъ человѣка, какъ поэта и вмѣстѣ какъ типъ его собратьевъ по народности, по пѣснямъ и страданіямъ, — указано мною выше. По своей судьбѣ и по своимъ сочиненіямъ, они заслуживаютъ вниманія. Чтобы оно было оказано имъ въ Германіи — вотъ цѣль этого очерка. Пусть же она — желаю этого отъ всей души — не останется совсѣмъ недостигнутою».

Переводя эти строки, мы также задумывались о «вниманіи» русскаго общества къ судьбѣ и поэзіи Шевченка и не многихъ другихъ писателей, словомъ своимъ послужившихъ развитію общественнаго самосознанія... Задуматься есть надъ чѣмъ! Мы бы отъ души желали вызвать въ читателѣ сходныя съ нашими размышленія на эту тему. Тогда бы и «Наша жизнь» о Т. Г. Шевченкѣ, помѣщенное въ № 57 «Од. Вѣст.» 1878 и предлагавшее собрать въ память Шевченка капиталъ на основаніе народной школы его имени—было бы поддержано энергичнѣе.

1948

2749

№ 1009

357/100

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

